

Sidney Sheldon

СИДНИ

ШЕЛДОН

ЕСЛИ НАСТУПИТ ЗАВТРА

*Сидни Шелдон —
писатель №1
в мире!*

Сидни Шелдон
Если наступит завтра

«АСТ»

1985

УДК 821.111-312.4(073)
ББК 84(7Сое)-44

Шелдон С.

Если наступит завтра / С. Шелдон — «АСТ», 1985

ISBN 978-5-17-087683-9

Еще вчера Дорис Уитни была верной женой и любящей матерью. Но предательство самых близких людей в корне изменило ее жизнь. Сегодня она – воровка, специализирующаяся на дерзких ограблениях. Она мстит тем, кто сломал ее жизнь и у кого есть власть и богатство. Но – не жертва ли она в новой опасной игре? Читайте шедевр Сидни Шелдона "Если наступит завтра" – роман, легший в основу знаменитого голливудского фильма!

УДК 821.111-312.4(073)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-087683-9

© Шелдон С., 1985

© АСТ, 1985

Содержание

Книга первая	6
1	6
2	8
3	20
4	30
5	33
6	37
7	44
8	48
9	51
10	59
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Сидни Шелдон

Если наступит завтра

Sidney Sheldon
IF TOMORROW COMES

© Sidney Sheldon Family Limited Partnership, 1985

© Перевод. А. А. Соколов, 2005

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

* * *

Барри – с любовью

Книга первая

1

Новый Орлеан

Четверг, 20 февраля, 23.00

Она медленно, как во сне, разделась и, когда на ней ничего не осталось, взяла яркую красную ночную рубашку, чтобы не было заметно крови. Дорис Уитни окинула взглядом спальню и в последний раз убедилась, что уютная комната, с которой она сроднилась за тридцать лет, аккуратно и чисто прибрана. Выдвинула ящик комода и осторожно достала пистолет. Он отличался черным и пугающе холодил ладонь. Дорис положила оружие рядом с телефоном и набрала номер дочери в Филадельфии. Она слушала эхо далеких гудков. Потом раздалось:

– Алло?

– Трейси, дорогая, мне просто захотелось услышать твой голос.

– Приятный сюрприз, мама.

– Надеюсь, не разбудила?

– Нет, я читала. Только-только хотела лечь спать. Собирались с Чарлзом где-нибудь поужинать, но погода слишком отвратительная. Снег всюду валит. А у тебя как?

«Господи, мы говорим о погоде, – подумала Дорис Уитни. – Мне так много хочется ей сказать, но я не могу».

– Мама, ты слышишь меня?

Дорис Уитни посмотрела в окно:

– Дождь, – и усмехнулась. Как мелодраматически соответствует моменту. Словно фильм Альфреда Хичкока.

– Что там у тебя за шум?

Гром. Погруженная в свои мысли, она и не заметила. Над Новым Орлеаном разразилась гроза. Затяжной дождь, сообщили в сводке погоды. Шестьдесят шесть градусов тепла¹. К вечеру ожидается гроза. Не забудьте зонтики. Ей зонтик не понадобится.

– Это гром, Трейси. – Дорис старалась, чтобы в голосе прозвучали веселые нотки. – Расскажи, что делается в Филадельфии?

– Чувствую себя, как принцесса в сказке, – ответила дочь. – Никогда бы не подумала, что человек может быть так счастлив. Завтра вечером знакомлюсь с родителями Чарлза. – Она понизила голос, словно для того, чтобы сделать официальное заявление. И выдохнула: – Стенхоупы из Чест нат-Хилл. Солидные люди. У меня внутри порхают бабочки размером с динозавров.

– Не беспокойся, ты им понравишься.

– Чарлз сказал, это не имеет значения. Он любит меня. А я его просто обожаю. Жду не дожусь, когда ты увидишь его. Он потрясный!

– Не сомневаюсь. – Ей не суждено познакомиться с Чарлзом. Не суждено качать на коленях внуков. Нет, нельзя об этом думать. – Он хоть понимает, как ему повезло с тобой, малышка?

– Я ему постоянно об этом твержу, – рассмеялась Трейси. – Ну, хватит обо мне. Лучше расскажи, что там у тебя? Как ты себя чувствуешь?

---

¹ По Фаренгейту. Около 18°C. – *Здесь и далее примеч. ред.*

«У вас прекрасное здоровье, Дорис, – заявил доктор Раш. – Доживете до ста лет». Вот она, ирония судьбы.

– Прекрасно. – Пусть малышка успокоится.

– Не завела себе приятеля?

Отец Трейси умер пять лет назад, но, несмотря на подзуживание дочери, Дорис Уитни не помышляла встречаться с другим мужчиной.

– Никаких приятелей. – Она переменяла тему. – Как у тебя с работой? Все еще нравится?

– В восторге! Чарлз не возражает, чтобы я работала после того, как мы поженимся.

– Замечательно, девочка. Похоже, он очень разумный человек.

– Так оно и есть. Сама увидишь.

Громкий раскат грома прозвучал, словно закулисная реплика. Пора. Сказано все, кроме последних слов прощания.

– До свидания, дорогая. – Дорис изо всех сил старалась, чтобы ее голос не дрогнул.

– Увидимся на свадьбе, мама. Я тебе сразу позвоню, как только мы с Чарлзом назначим дату.

– Договорились. – Все же осталась одна, самая последняя, фраза. – Я люблю тебя, Трейси. – Дорис Уитни осторожно положила трубку на рычаг.

Она взяла пистолет. Был только один способ сделать это. Быстро. Дорис поднесла ствол к виску и нажала на курок.

2

Филадельфия

Пятница, 21 февраля, 8.00

Трейси Уитни вышла из парадной двери дома, где снимала квартиру, на бесконечный серый дождь со снегом, сыпавший и на проезжавшие мимо по Маркет-стрит лимузины, за рулем которых сидели шоферы в униформе, и на пустующие дома Северной Филадельфии с заколоченными окнами. Дождь отмыл автомобили и размочил высокие осклизлые кучи мусора перед фасадами брошенных зданий. Направляясь на работу, Трейси Уитни бодро шла по Честнат-стрит по направлению к банку и едва удерживалась от того, чтобы громко не запеть. На Трейси был ярко-желтый плащ, сапоги и желтая непромокаемая шляпа, едва вмещавшая копну ее каштановых волос. У двадцатипятилетней Трейси было умное, живое лицо, полные чувственные губы, сияющие глаза, преобразившиеся в один миг из мшисто-зеленых в темно-нефритовые, и ладная спортивная фигурка. В зависимости от того, была ли Трейси усталой, сердитой или взволнованной, кожа ее представляла полную палитру цветов: от полупрозрачно-белого до насыщенно-розового. Мать однажды сказала ей: «Честное слово, дочь, я иногда не узнаю тебя – ты вобрала в себя все оттенки ветра».

Трейси шла по улице, и люди, видя ее счастливое лицо, оборачивались и улыбались. И она улыбалась им в ответ.

«Неприлично быть такой счастливой, – думала Трейси. – Я выхожу замуж за любимого человека. Рожу от него ребенка. Чего еще можно желать?»

Приближаясь к банку, Трейси посмотрела на часы. Двадцать минут девятого. В филадельфийский банк «Траст энд фиделити» служащие могли войти не ранее половины девятого. Но руководитель международного отдела старший вице-президент Кларенс Десмонд уже снимал наружную охрану и открывал двери. Трейси с удовольствием наблюдала утренний ритуал. Стоя под дождем, она ждала, пока вице-президент войдет в банк и за прет за собой двери.

Все банки мира славятся хитроумными тайными приемами охраны, и филадельфийский «Траст энд фиделити» не составлял исключения. Сама процедура всегда оставалась одинаковой – менялся только условный сигнал, обновлявшийся каждую неделю. В этот день таким сигналом служили полуприспущенные жалюзи: они информировали ждущих на улице служащих о том, что обследование помещений в самом разгаре и сейчас выясняется, не проникли ли в банк злоумышленники, которые только и ждут, как бы захватить сотрудников в заложники. Кларенс Десмонд проверял туалеты, хранилища, подвалы и залы, где располагались сдаваемые клиентам сейфы. И лишь убедившись, что он в помещении один, поднимал жалюзи и давал знать, что в банке все в порядке.

Первым всегда впускали старшего бухгалтера. Он занимал место у кнопки сигнализации тревоги и ждал, когда войдут все служащие, а затем запирает за ними двери. Ровно в половине девятого Трейси Уитни вместе с коллегами вошла в изысканно украшенный вестибюль и, втайне удивляясь тому, что другие сетовали на дождливую погоду, сняла плащ, шляпу и сапоги.

– Чертов ветер унес мой зонтик, – жаловался один из коллег. – Я до нитки промок.

– Я заметил, что на Маркет-стрит плавают две утки, – пошутил старший кассир.

– В прогнозе сообщали, что предстоит неделя такой погоды. Хотел бы я оказаться сейчас во Флориде.

Трейси улыбнулась и отправилась на рабочее место. Она отвечала за электронные трансферы. До недавнего времени перевод денег из одного банка в другой и из одной страны в другую был долгим, трудоемким процессом, который требовал заполнения множества формуляров и зависел от работы национальных и международных почтовых служб. С появлением

компьютеров ситуация кардинально изменилась, и огромные суммы моментально перемещались в пространстве. Задача Трейси состояла в том, чтобы извлекать из компьютера ночные трансферы и переводить в другие банки. Все транзакции совершались под кодами, которые регулярно менялись, чтобы воспрепятствовать незаконному вмешательству. Ежедневно через руки Трейси проходили миллионы электронных долларов. Работа захватывала – ведь она имела дело с животворящим кровеносным потоком, наполнявшим артерии мирового бизнеса. И до того как в ее жизни появился Чарлз Стенхоуп-третий, банковские операции казались Трейси самым волнующим делом на свете. Филадельфийский банк «Траст энд фиделити» имел большой международный отдел, и за обедом Трейси обсуждала с коллегами утренние события. Это были разговоры продвинутых людей.

– Мы только что закрыли стомиллионный синдицированный заем Турции... – объявляла старший кассир Дебора.

Секретарь вице-президента Мэй Трентон доверительно понижала голос:

– Сегодня утром на совете директоров принято решение участвовать в предоставлении дополнительных средств Перу. Первый взнос – свыше пяти миллионов долларов.

– Я так понимаю, – добавлял патриот банка Джон Крейнтон, – что мы намерены втравиться в пятидесятимиллионный пакет поддержки Мексики. Что до меня, я этим «мокрым спином»² не дал бы ни единого цента...

– Интересно получается, – задумчиво проговорила Трейси. – Те страны, которые костерят Америку за излишнюю ориентацию на финансы, всегда первыми просят займы.

По этому поводу она впервые поспорила с Чарлзом.

Трейси познакомилась с Чарлзом Стенхоупом-третьим на финансовом симпозиуме, куда того пригласили как оратора. Он руководил инвестиционной компанией, основанной еще его прадедом и имевшей хорошие связи с банком, где работала Трейси. После выступления Чарлза Трейси подошла к нему и выразила сомнение в том, что развивающиеся страны способны возвращать деньги, которые они по всему миру берут займы у государств и частных банков. Чарлз, с удивлением посмотрев на эмоциональную красивую молодую особу, заинтересовался ею. Их спор продолжился во время обеда в старом ресторане «Букбайндер».

Поначалу Чарлз не поразил воображение Трейси, хотя она сознавала, что в Филадельфии он считался завидным женихом. Этот тридцатипятилетний мужчина, ростом пять футов десять дюймов, с редящими рыжеватыми волосами, карими глазами и серьезными, педантичными манерами, был богатым и преуспевающим отпрыском старинной филадельфийской семьи. Занудный богачей, решила Трейси.

И, словно угадав ее мысли, Чарлз перегнулся через стол и прошептал:

– Отец уверен, что в роддоме ему подменили младенца.

– Почему?

– Потому что я – сплошной атавизм. Не согласен с тем, что деньги – начало начал и основа основ жизни. Только не проговоритесь отцу о том, что я вам рассказал.

От этой подкупающе безыскусной искренности у Трейси потеплело на душе. «Интересно, каково быть замужем за таким мужчиной – человеком, принадлежащим к истеблишменту?» – подумала она.

У отца Трейси ушла вся жизнь на то, чтобы организовать дело, но такое незначительное, что Стенхоупы только усмехнулись бы его мизерности. «Стенхоупы и Уитни никогда не породнятся, – размышляла Трейси. – Нефть и вода. И нефть – это именно Стенхоупы. Господи, о чем это я, идиотка? Тешу свое эго. Мужчина пригласил меня пообедать, а я ломаю голову над тем, хочу ли за него замуж. Скорее всего мы больше никогда не встретимся».

---

² Прозвище нелегальных (переплывших реку Рио-Гранде) иммигрантов из Мексики.

– Надеюсь, вы завтра не заняты и согласитесь со мной пообедать?.. – спросил в это время Чарлз.

Филадельфия – это своеобразный рог изобилия, где есть что посмотреть и есть чем заняться. Субботними вечерами Трейси и Чарлз ходили на балет и слушали Филадельфийский оркестр под руководством дирижера Рикардо Мути. А по будням исследовали Нью-маркет и уникальное собрание магазинов на Сосайети-хилл. Ели сырные стейки в уличных кафе в Джено и обедали в кафе «Ройал», одном из самых фешенебельных ресторанов в Филадельфии. Делали покупки на Хэд-Хаус-сквер и бродили по Филадельфийскому музею искусств и Роденовскому музею.

Трейси задержалась у статуи «Мыслитель». Взглянула на Чарлза и улыбнулась:

– Это ты!

Чарлз не слишком любил физические упражнения, зато Трейси их обожала, и утром по воскресеньям они трусили по Уэст-ривер-драйв или по набережной Шуйлкил-ривер. По субботам вечером она ходила на занятия тай-чи-чуан и через час уставшая, но взбодрившаяся шла домой к Чарлзу. Он оказался поваром-гурманом и готовил для себя и Трейси экзотические блюда вроде марокканской бистиллы, или гоубули – китайских паровых пирожков, или тахинде-пулет-о-ситрон, то есть цыпленка с лимоном.

Чарлз был самым пунктуальным человеком из всех, кого знала Трейси. Однажды она опоздала на пятнадцать минут на обед, и он был так недоволен, что испортил весь вечер. С тех пор Трейси поклялась приходить к нему всегда вовремя.

Трейси, с ее небольшим сексуальным опытом, казалось, что Чарлз занимался любовью точно так же, как жил – педантично и очень правильно. Однажды она решила особенно понравиться ему в постели и настолько шокировала Чарлза, что почувствовала себя чуть ли не сексуальной маньячкой.

Забеременела Трейси неожиданно и сначала растерялась. Чарлз не поднимал вопроса о браке, а Трейси не хотела, чтобы он считал себя обязанным жениться из-за ребенка. Она не знала, решится ли на аборт, но и мысль о том, чтобы завести ребенка, пугала ее. Сумеет ли она воспитать ребенка без отца? И хорошо ли это по отношению к самому малышу?

Однажды вечером, после ужина, Трейси решила открыться Чарлзу. Приготовила ему у себя дома кассуле, но так нервничала, что пережарила блюдо. Поставила перед ним обуглившееся мясо с фасолью и, забыв отрепетированную речь, внезапно выпалила:

– Мне очень жаль, Чарлз. Я беременна.

Последовала невыносимо долгая пауза, и, когда Трейси почувствовала, что вот-вот не выдержит, Чарлз спокойно произнес:

– Мы, конечно, поженимся.

Трейси испытала огромное облегчение:

– Только не думай, что я... что ты обязан на мне жениться...

Прерывая ее, Чарлз поднял руку:

– Я хочу на тебе жениться. Ты будешь прекрасной женой. – И не спеша добавил: – Разумеется, это немного удивит моих родителей. – Он улыбнулся и нежно поцеловал Трейси.

– А почему это удивит их? – тихо спросила Трейси.

– Дорогая, – вздохнул Чарлз, – боюсь, ты не совсем представляешь, во что влипла. Стенхоупы всегда брали в жены, учти, я цитирую, «девушек из своего круга. Из лучших родов Филадельфии».

– И тебе уже подобрали кандидатуру? – догадалась Трейси.

Чарлз обнял ее.

– Это ни черта не значит. Важно то, кого выбрал я. В следующую пятницу я обедаю с матерью и отцом. Пора и тебе познакомиться с ними.

Без пяти девять Трейси заметила, что в банке стало шумнее. Служащие разговаривали немного торопливее и двигались немного быстрее. Через пять минут, когда отворятся двери, все должно быть готово. Сквозь окно во фронтоне Трейси видела на улице клиентов – они вы строились на холодном дожде и ждали открытия. Постоянные клиенты имели депозитные карточки с магнитным кодом, и каждый раз, когда делали вклад, компьютер автоматически отправлял поступления на нужный счет. Но были и такие, кто приходил без карточек; им приходилось заполнять формуляры.

Охранник перевел взгляд на часы на стене и, как только стрелка передвинулась на 9.00, подошел к двери и церемонно открыл замок.

Рабочий день начался.

Следующие несколько часов Трейси была слишком занята компьютером, чтобы думать о чем-нибудь еще. Каждый электронный трансфер следовало перепроверить, чтобы убедиться, правилен ли код. Когда нужно было внести деньги, она набирала номер счета, сумму и название банка, куда поступали средства. Каждый банк имел свой код, который значился в закрытой директории, где можно было узнать коды всех крупнейших банков мира.

Утро промелькнуло быстро. В обеденный перерыв Трейси собиралась сделать прическу и записалась к Ларри Стелла Ботте. Он брал недешево, однако игра стоила свеч – Трейси хотела прийти к родителям Чарлза в наилучшем виде. «Я им понравлюсь, – думала она. – Не все ли равно, кого они выбрали для сына? Никто не сделает Чарлза таким счастливым, как я».

В час дня, когда Трейси надевала плащ, Кларенс Десмонд позвал ее к себе в кабинет. Десмонд был истинным образцом ответственного работника, и если бы банк крутил на телевидении рекламные ролики, он бы отлично справился, произнося в них все важные слова. Консервативно одетый, Десмонд держался с солидной старомодной властью и принадлежал к тем людям, кто внушает доверие.

– Садитесь, Трейси. – Десмонд гордился тем, что знал всех сотрудников по именам. – Скверно на улице. Согласны?

– Да.

– А люди тем не менее приходят в банк. – Он был мастак на светские разговоры. – Слышал, вы обручены с Чарлзом Стенхоупом и собираетесь за него замуж.

– Мы еще ни о чем не объявляли, – удивилась Трейси. – Откуда вы узнали?..

– Все, что происходит со Стенхоупами, ни для кого не тайна, – улыбнулся Десмонд. – Рад за вас. Надеюсь, вы к нам вернетесь. Разумеется, после медового месяца. Нам не хотелось бы терять вас. Вы – одна из наших самых ценных сотрудниц.

– Мы с Чарлзом это обсуждали и сошлись на том, что мне лучше продолжить работать.

Десмонд удовлетворенно улыбнулся. Инвестиционная компания «Стенхоуп и сыновья» считалась в финансовом мире одной из самых влиятельных. Весьма неплохо заполучить их существенный вклад. Десмонд откинулся на стуле и снова улыбнулся:

– Когда вы вернетесь после медового месяца, вас будет ждать повышение и солидная прибавка в зарплате.

– О, благодарю вас, это великолепно! – Трейси знала, что заслужила повышение, и ощутила прилив гордости. Поскорее бы сообщить эту новость Чарлзу. Трейси казалось, что боги сговорились, чтобы переполнить ее счастьем через край.

Чарлз Стенхоуп-старший жил в старинном впечатляющем особняке на Риттенхаус-сквер. Мимо этой городской достопримечательности нередко проходила Трейси. «А теперь, – думала она, – это место станет частью и моей жизни».

Она нервничала. Красивая прическа впитывала влажный сырой воздух. Трейси уже четыре раза меняла платья. Как одеться? Просто? Официально? У нее был один комплект от Ив Сен-Лорана, на который она наскребла денег и купила в «Уонамейкерсе»³. Надеть его? Как бы не подумали, что она слишком экстравагантна. С другой стороны, если ее увидят в какой-нибудь вещи с распродажи на Пост-Хорн, решат, что невеста не по сыну. Черт, одернула себя Трейси, они в любом случае это решат. И наконец она остановилась на серой шерстяной юбке и белой шелковой блузке. А на шее застегнула тонкую золотую цепочку, присланную ей матерью на Рождество.

Дверь в особняк отворил дворецкий в ливрее.

– Добрый вечер, мисс Уитни. – Он знал ее фамилию. Это добрый знак? Или дурной? – Позвольте ваше пальто. – С Трейси капало на их дорогой персидский ковер.

Дворецкий провел ее через мраморный вестибюль, который показался Трейси вдвое больше, чем банк. «Господи, – запаниковала она, – я нарядилась не так! Надо было надеть платье от Сен-Лорана». Когда они свернули в библиотеку, у Трейси затряслись поджилки, но тут перед ней предстали родители Чарлза.

Чарлз Стенхоуп-старший, мужчина лет шестидесяти пяти, сурового вида, выглядел, как и подобает преуспевающему человеку. Таким станет его сын через тридцать лет. У него, как и у Чарлза, были карие глаза, волевой подбородок и седые волосы. Он сразу понравился Трейси – отличный дед для их ребенка.

Мать Чарлза тоже производила впечатление. Она была невысокой и крепко сбитой, но, несмотря на маленький рост, в ней ощущалась царственность. «Основательная и надежная, – подумала Трейси. – Превосходная бабушка».

Миссис Стенхоуп протянула руку:

– Как славно, дорогая, что вы согласились прийти к нам. Я просила Чарлза оставить нас на несколько минут наедине. Вы не возражаете?

– Она, конечно, не возражает, – заявил отец Чарлза. – Садитесь... Трейси. Ведь так вас зовут?

– Да, сэр.

Стенхоупы опустили на диван напротив Трейси.

«Почему я чувствую себя так, словно предстала перед инквизицией?» Трейси словно слышала голос матери: «Не взваливай на себя ношу, которую не потянешь. Продвигайся постепенно – шаг за шагом».

Первым шагом стала улыбка, но и та не получилась, ибо теперь у Трейси затряслись колени и, чтобы скрыть дрожь, пришлось накрыть их ладонями.

– Итак! – Голос мистера Стенхоупа звучал сердечно. – Вы с Чарлзом хотите пожениться.

Слово «хотите» насторожило Трейси. Наверняка Чарлз сказал родителям, что они намерены пожениться.

– Да, – ответила она.

– Если не ошибаюсь, вы с Чарлзом знаете друг друга не так давно? – вступила в разговор миссис Стенхоуп.

Трейси изо всех сил пыталась подавить возмущение. Так оно и есть: она перед инквизиторами.

– Достаточно давно, чтобы понять: мы любим друг друга.

– Любите? – пробормотал мистер Стенхоуп.

– Откровенно говоря, мисс Уитни, – продолжала его супруга, – то, что объявил нам Чарлз, потрясло и его отца, и меня. – Она сдержанно улыбнулась. – Полагаю, Чарлз рассказал

---

³ Крупный семиэтажный универсальный магазин в центральной части Филадельфии.

вам о Шарлотте? – От нее не укрылось выражение лица Трейси. – Понятно. Шарлотта и он вместе росли. Были очень близки. Признаться, все ждали, что в этом году они объявят о своей помолвке.

Не было никакой необходимости описывать эту Шарлотту Трейси. Она все представляла сама. Живет по соседству, богата, такое же происхождение, что и у Чарлза. Школы только лучшие. Любимые лошади, завоеванные кубки.

– Расскажите нам о вашей семье, – предложил мистер Стенхоуп.

«Господи, – подумала Трейси, – прямо сцена из полуночного кино. Я – героиня Риты Хейуорт⁴, впервые знакомлюсь с родителями Кэри Гранта⁵. Мне очень нужно выпить. В старых лентах дворецкий всегда приходил на выручку с подносом напитков».

– Где вы родились, дорогая? – спросила миссис Стенхоуп.

– В Луизиане. Мой отец был механиком. – Это можно было и не добавлять, но Трейси не удержалась. Черт бы их побрал. Она гордилась своим отцом.

– Механиком?

– Да. Он основал мастерскую, которая впоследствии превратилась в небольшой заводик. Когда пять лет назад отец умер, его дело продолжила мать.

– А что... э-э-э... производит этот завод?

– Глушители и автозапчасти.

Мистер и миссис Стенхоуп переглянулись и дружно сказали:

– Понятно.

От их тона Трейси напряглась. «Интересно, сколько понадобится времени, чтобы я полюбила их?» – спросила она себя. Взглянула в недружелюбные лица и, к собственному ужасу, бессвязно пробормотала:

– Вам понравится моя мать. Она умная, красивая, обаятельная. С Юга. Очень маленькая, ростом с вас, миссис Стенхоуп... – Трейси замерла, и наступила тяжелая, гнетущая пауза. Трейси неловко рассмеялась, но смех оборвался под тяжелым взглядом хозяйки.

– Чарлз сообщил нам, что вы беременны, – произнес без всякого выражения мистер Стенхоуп.

Трейси всей душой пожалела об этом. Родители Чарл за отнеслись к этому с явным неодобрением. Словно их сын не имел к случившемуся ни малейшего отношения. Будто сама Трейси заклеила его позором. Теперь она догадалась, что ей следовало нацепить алую букву «А»⁶.

– Не понимаю, как в наши дни... – начала миссис Стенхоуп, но не успела закончить фразы, потому что на пороге появился Чарлз.

– Ну как, поладили? – улыбнулся он.

Трейси встала и устремилась в его объятия.

– Все отлично, дорогой. – И, прижимаясь к нему, подумала: «Слава Богу, Чарлз ничуть не похож на своих родителей. И никогда не будет таким – ограниченным, холодным снобом».

За спиной сдержанно кашлянули. Там стоял дворецкий, держа поднос с напитками. «Все утрясется, – подумала Трейси. – И у этого фильма непременно будет счастливый конец».

Обед оказался превосходным, но Трейси слишком нервничала, чтобы наслаждаться едой. Они обсуждали банковское дело, политику и нестабильное положение в мире. Все очень вежливо и безлико. Никто не произнес вслух: «Вы заарканили нашего сына и заставляете на

---

⁴ Настоящее имя Маргарита Кансино (1918–1987) – актриса, звезда Голливуда 40-х гг. XX в.

⁵ Настоящее имя Арчибалд Александр Лич (1904–1986) – самый романтичный из голливудских супергероев; стал воплощением остроумия, мужественности и элегантности для многих американцев 30–50-х гг. XX в.

⁶ Символ позора прелюбодейки.

себе жениться». «По чести говоря, – призналась себе Трейси, – родители имеют право тревожиться о том, кого возьмет в супруги их отпрыск. Настанет день, когда Чарлз унаследует их дело, поэтому очень важно, что бы у него оказалась надежная жена. – И пообещала себе: – Я непременно стану такой».

Чарлз взял ее за руку – ту самую, что судорожно мяла под столом салфетку, – улыбнулся и едва заметно подмигнул.

– Мы с Трейси предпочитаем скромную свадьбу. А потом...

– Чушь, – перебила его мать. – В нашей семье не бывает скромных свадеб. Захотят прийти десятки друзей. – Она бросила на Трейси оценивающий взгляд. – Приглашения надо начинать рассылать уже сейчас. Если вы, конечно, не против.

– Нет, нет, – поспешила ответить Трейси; у нее отлегло от сердца, и она подумала: «Свадьба все-таки состоится. С какой стати я в этом сомневалась?»

– Некоторые гости приедут из-за границы, – продолжала миссис Стенхоуп. – Их придется устроить в доме.

– Вы уже решили, куда отправитесь в медовый месяц? – спросил ее супруг.

– Не подлежит оглашению, папа, – улыбнулся Чарлз и слегка стиснул руку невесты.

– А на сколько? – поинтересовалась миссис Стенхоуп.

– Лет на пятьдесят, – рассмеялся ее сын, и у Трейси потеплело на душе.

После обеда они перешли в библиотеку выпить коньяку. Трейси окинула взглядом красивую, обитую дубовыми панелями комнату. В книжных шкафах стояли тома в кожаных переплетах. На стенах висели два Коро, маленький Копли⁷ и Рейнольдс. Для Трейси не имело значения, есть у Чарлза деньги или нет. Но она невольно подумала, что так пожить совсем неплохо.

Почти в полночь Чарлз отвез Трейси в ее маленькую квартирку за Фэрмоунт-парком.

– Надеюсь, вечер тебя не слишком измучил? – спросил он. – Мои родители иногда несколько напрягают.

– О нет, они очаровательны, – солгала Трейси.

Волнение вечера давало о себе знать, но у двери она все-таки спросила:

– Зайдешь ко мне?

Ей хотелось оказаться в его объятиях. Чтобы он говорил ей: «Я люблю тебя, дорогая. И никто в этом мире не разлучит нас».

Но Чарлз ответил:

– Сегодня не могу. Завтра предстоит тяжелое утро.

Трейси скрыла разочарование.

– Конечно, конечно, дорогой, понимаю.

– Завтра поговорим. – Чарлз чмокнул ее в щеку и быст ро пошел прочь по коридору.

Квартира пылала, трезвонили пожарные колокола. Спросонья, как в тумане, Трейси вскочила в постели и принялась, стараясь понять, есть ли в комнате дым. Звон продолжался, и до нее постепенно дошло, что это сигнал телефона. Часы на прикроватной тумбочке показывали половину третьего. Первой в голову пришла паническая мысль: что-то стряслось с Чарлзом. Трейси схватила трубку:

– Да?

– Трейси Уитни? – спросил далекий мужской голос.

Трейси колебалась. Что это – телефонное хулиганство?

– Кто говорит?..

– Лейтенант Миллер из полицейского управления Нового Орлеана. Так это Трейси Уитни?

---

⁷ Копли, Джон Синглтон (1738–1815) – бостонский художник, первый крупный художник США.

- Да. – Сердце глухо забилося в ее груди.
- Боюсь, у меня для вас плохие новости. – Рука стиснула телефонную трубку. – Это по поводу вашей матери.
- Что... несчастный случай?
- Она умерла.
- Нет! – вскрикнула Трейси. Это наверняка телефонное хулиганство. Какой-то ненормальный пытается напугать ее! С матерью все в порядке. Мать жива. Она так недавно сказала ей: «Я люблю тебя, Трейси».
- Мне неприятно говорить вам это, – продолжал голос.
- Так это правда. Кошмар, но правда. Трейси потеряла дар речи. Мозг и язык словно оледенели.
- Алло? Мисс Уитни, алло? – слышался голос лейтенанта.
- Вылетаю первым самолетом, – ответила она.

Трейси сидела на своей крохотной кухоньке и думала о матери. Не может быть, чтобы она умерла. Мать всегда была так подвижна и полна жизни. И их всегда связывали такие близкие и теплые отношения. С самого детства Трейси обращалась со всеми своими проблемами к матери – обсуждала школу, мальчиков, а потом мужчин. Когда умер отец, многие пытались купить его дело, причем предлагали такие суммы, что матери хватило бы безбедно жить до конца дней, но Дорис Уитни упрямо отказывалась. «Отец затеял этот бизнес. Не собираюсь гробить его тяжкие труды». И под ее руководством дело стало процветать еще более.

«О, мама, – думала Трейси. – Я так сильно люблю тебя. Ты не познакомишься с Чарлзом. Не увидишь внука...» И она разревелась.

Трейси заварила себе кофе и, сидя в темноте, ждала, пока он остынет. Ей отчаянно хотелось набрать номер Чарл за, рассказать, что произошло, и ощутить его поддержку. Трейси посмотрела на кухонные часы – половина четвертого. Она решила не будить его и позвонить из Нового Орлеана. «Интересно, – подумала Трейси, – повлияет ли смерть матери на мои брачные планы? – И тут же ощутила укол совести. – Разве можно в такой момент даже рассуждать об этом?»

«Как только прилетите сюда, – проинструктировал ее лейтенант Миллер, – сразу берите такси и приезжайте в полицейское управление». Почему в полицейское управление? Что там такое случилось?

Стоя в ожидании чемодана в переполненном аэропорту Нового Орлеана, среди переминающихся в нетерпении пассажиров, Трейси начала задыхаться. Она попыталась протиснуться к багажной ленте, но ее не пропустили. Страхась того, что ей предстояло в ближайшее время, Трейси все больше и больше нервничала. Старалась убедить себя, что это ошибка, но слова лейтенанта неумолчно звучали в ее голове: «Боюсь, у меня для вас плохие новости... Она умерла, мисс Уитни... Мне неприятно говорить вам об этом...»

Наконец, добыв свой чемодан, Трейси взяла такси и назвала водителю адрес, продиктованный лейтенантом:

– Южная Брод-стрит, семьсот пятнадцать, пожалуйста.

– К копам в гости? – хмыкнул таксист. Трейси не ответила. Ей было не до разговоров. В голове творилось бог знает что.

Машина катила на восток по двойному шоссе через озеро Пончатрейн⁸. Шофер так и не закрыл рот.

---

⁸ Проходит по параллельным дамбам (длиной 38 км) и мосту, которые пересекают озера Пончатрейн в районе Нового Орлеана.

– Приехали из-за большого шоу, мисс?

Трейси понятия не имела, о чем он говорил. И подумала: «Нет, я приехала из-за смерти». Она слышала голос водителя, но слова не доходили до нее. Скованно сидела и не узнавала мелькавшие за окном знакомые места. И только вблизи Французского квартала заметила нарастающий шум – гудела толпа, нарушители спокойствия повторяли какую-то древнюю литанию.

– Дальше не проеду, – сообщил ей таксист.

И тогда Трейси подняла глаза и увидела. Невероятная картина – сотни тысяч кричащих людей в масках, одетых драконами, гигантскими крокодилами и языческими богами, запрудили впереди всю улицу и переулки, наполняли все вокруг какофонией звуков. Безумное извержение тел, музыки, танца и всяческих кривляний.

– Выходите-ка, пока они не перевернули мою машину, – предложил шофер. – Черт бы побрал этот Марди-Гра⁹.

Ну конечно! Сейчас же февраль, и весь город празднует начало Великого поста. Трейси вышла из такси, немного постояла с чемоданом на тротуаре, но в следующую минуту ее смела орущая и пляшущая толпа. Невероятная непристойность – шабаш черных ведьм, словно миллион фурий радовались гибели ее матери. Чемодан тут же выхватили из руки Трейси, и он исчез в толпе. А ее саму облапил и поцеловал толстый человек в маске дьявола. Олень стиснул ее груди, гигантская панда забежала со спины и приподняла на воздух. Трейси сопротивлялась, но тщетно, она стала частью ору шей, пляшущей, веселящейся массы, и слезы катились у нее по щекам. Выхода, казалось, не было. Когда ей наконец удалось выскользнуть и прошмыгнуть в тихий переулок, она была почти в истерике. Долго неподвижно стояла, прислонившись к фонарю, и дышала глубоко, стараясь прийти в себя. Затем повернулась и направилась к полицейскому участку.

Лейтенант Миллер, усталый мужчина среднего возраста с изможденным лицом, явно чувствовал себя не в своей тарелке от того, что ему предстояло выполнить.

– Извините, не удалось встретить вас в аэропорту, – обратился он к Трейси. – Весь город словно съехал с катушек. Мы разобрали вещи вашей матери и обнаружили, что вы единственная, кому можно позвонить.

– Пожалуйста, лейтенант, скажите, что с ней случилось.

– Она совершила самоубийство.

Трейси похолодела.

– Зачем... зачем ей убивать себя?.. У нее было все, ради чего стоило жить. – Ее голос дрогнул.

– Она оставила вам записку.

Морг был холодным, безразличным и пугающим. Трейси провели по коридору в большое, пустое, стерильное помещение. Но внезапно она поняла, что помещение не пустое – там находилась покойница, ее родная мать.

Служитель в белом халате подошел к стене и, потянув за ручку, выдвинул огромный ящик.

– Хотите взглянуть?

«Нет! Я не хочу смотреть на безжизненное тело, которое упрятали в этот ящик». Возникло острое желание убежать, вернуться на несколько часов назад и оказаться во времени до того момента, когда грянули пожарные колокола. Уж лучше была бы настоящая пожарная тревога, а не телефон и голос, который сказал, что ее мать умерла. Трейси двинулась вперед,

---

⁹ Вторник на Масленой неделе – праздник в Новом Орлеане и других городах Луизианы с красочным карнавалом, балами и парадами ряженых. Восходит к традиции первых французских поселенцев.

и каждый шаг отдавался воплем внутри. А затем подняла глаза на останки той, которая ее родила, вскормила, смеялась вместе с ней и любила ее. Она наклонилась и поцеловала холодную резиноподобную щеку.

– О, мама, зачем... зачем ты это сделала?

– Мы должны произвести вскрытие, – заметил служитель. – Таков закон штата в случае, если совершено самоубийство.

Записка, которую оставила Дорис Уитни, ничего не прояснила.

«Моя дорогая Трейси!

*Пожалуйста, прости, я ничего не сумела и не хочу оставаться для тебя обузой. Так будет лучше. Я тебя очень, очень люблю.
Мама».*

Записка была такой же безжизненной и бессмысленной, как то тело, которое лежало в ящике.

Днем Трейси сделала необходимые распоряжения по поводу похорон, взяла такси и отправилась в отчий дом. Где-то вдалеке она слышала, как буйствует чуждый ей, враждебный Марди-Гра.

Уитни владели викторианским домом, располагавшимся в жилом районе Паркового квартала в той части города, которая именовалась «Аптаун». Как многие здания в Новом Орлеане, он был построен из дерева и не имел подвала, поскольку местность находилась ниже уровня моря.

Трейси выросла в этом доме, и он был полон для нее милыми, теплыми воспоминаниями. В прошлом году она не приезжала сюда и теперь, когда такси подкатило к дому, испытала шок, заметив на лужайке перед фасадом табличку: «На продажу. Новоорлеанская риэлторская компания». Не может быть! Мать постоянно повторяла, что никогда не продаст этот дом. Они все были в нем очень счастливы.

Охваченная странным, безотчетным ужасом, Трейси двинулась к парадному. Ей дали собственный ключ, когда она училась в седьмом классе, и с тех пор она не расставалась с ним, как с талисманом, напоминавшим, что здесь ее всегда ждет нечто вроде рая на земле.

Трейси открыла замок, вошла в дом и остановилась как вкопанная – в комнатах ничего не было, никакой мебели. Исчезли все красивые старинные вещи. Дом стоял, словно пустая скорлупа, покинутый некогда населявшими его людьми. Трейси перебегала из комнаты в комнату, и ее изумление усиливалось. Ей казалось, что это место внезапно поразило какое-то несчастье. Она поспешила наверх, в спальню, в которой выросла, и застыла на пороге: на нее смотрела холодная и абсолютно нежилая комната. Господи, что же такое случилось? Трейси услышала дверной звонок и, будто в трансе, спустилась по лестнице открыть.

Перед ней стоял Отто Шмидт, старший мастер компании автозапчастей Уитни, морщинистый, худой как жердь, пожилой человек. Единственной выступающей частью его фигуры был налитый пивом животик. Лысину обрамляли беспорядочно торчащие седые волосы.

– Трейси, – начал он с сильным немецким акцентом, – я только что узнал. Не могу выразить, как я сочувствую.

Трейси всплеснула руками:

– Ох, Отто, как я рада вас видеть! Проходите. – Она провела старика в пустую гостиную. – Извините, здесь не на что сесть. Не возражаете, если придется устроиться на полу?

– Ничуть.

Они опустили на пол друг напротив друга, и их глаза наполнились печалью. Сколько Трейси себя помнила, Отто всегда работал в компании ее родителей. Она знала, как полагался на него отец. И когда тот умер, Шмидт помогал матери.

– Отто, я не понимаю, что происходит. Полиция утверждает, что мама совершила самоубийство. Но у нее не было никакой причины убивать себя. – Внезапно Трейси осенило. – Может быть, она чем-то болела... Чем-то очень страшным...

– Дело не в этом. – Старик отвернулся, и Трейси почувствовала: он что-то недоговаривает.

– Вы ведь что-то знаете.

Отто посмотрел на нее слезящимися голубыми глазами.

– Ваша мама не рассказывала вам, что происходило в последнее время. Она не хотела волновать вас.

Трейси нахмурилась:

– Чем волновать? Пожалуйста, говорите.

Пальцы его натруженных рук сжимались и разжимались.

– Вы слышали о человеке по фамилии Романо? Джо Романо?

– О Джо Романо? Нет, а что?

Старик моргнул.

– Шесть месяцев назад Романо вступил в контакт с вашей матерью и заявил, что желает приобрести компанию. Она ответила, что не собирается продавать ее. Но он предложил в десять раз больше реальной стоимости дела, и она не устояла. Ваша мать была в восторге. Она намеревалась вложить все деньги в ценные бумаги, доход от которых позволил бы вам обоим безбедно жить до конца дней. Хотела сделать вам сюрприз. Я очень радовался за нее. Последние три года я все собирался на пенсию, но как я мог оставить миссис Дорис? А этот Романо... – Отто почти выплюнул имя. – Этот Романо дал ей немного наличных. Основной платеж должен был поступить в прошлом месяце.

– Продолжайте, Отто, что же произошло?

– Когда Романо взял власть в свои руки, он всех прогнал, а на место уволенных посадил своих людей. А затем принялся разваливать компанию: распродал имущество, заказал много нового оборудования, тут же спустил его, так и не оплатив. Поставщики не тревожились, полагая, что имеют дело с вашей матушкой. Когда в конце концов ее стали теребить и требовать, чтобы она рассчиталась, миссис Дорис отправилась к Романо узнать, что происходит. Он ответил, что решил не покупать компанию и возвращает ее прежней владелице. Но теперь компания не только ничего не стоила – ваша мать осталась должна полмиллиона долларов, которые не могла заплатить. Мы с женой чуть не умерли, наблюдая, как она пыталась спасти дело. Но шансов не было. Ее принудили к банкротству. Забрали все: компанию, дом, даже машину.

– Господи!

– Но и это не все. Окружной прокурор направил миссис Дорис уведомление о том, что намерен выдвинуть против нее обвинение в мошенничестве, а это грозило тюремным заключением. Думаю, именно в тот день она и умерла.

Трейси захлестнула волна бессильного гнева.

– Ей следовало просто-напросто рассказать правду – объяснить, что сделал с ней этот Романо.

Старый мастер покачал головой:

– Джо Романо работает на некоего Энтони Орсатти, который занимается тем, что наезжает на новоорлеанцев. Я слишком поздно выяснил, что Романо не первый раз проделывает такие штуки с компаниями. Даже если бы ваша мать привлекла его к суду, потребовалось бы очень много времени, чтобы все распутать, а у нее не было денег на судебные издержки.

– Но почему она не рассказала мне? – У Трейси вырвался крик муки и сострадания.

– Ваша мать была гордой женщиной. Да и что вы могли сделать? Ей никто не мог помочь.

«Неправда», – гневно подумала Трейси.

– Где сейчас этот Романо? Я хочу видеть его.

– Забудьте о нем, – ответил старик. – Вы не представляете себе, насколько он могуществен.

– Где он живет?

– У него дом на Джексон-сквер. Но поверьте, туда идти бесполезно.

Трейси не ответила. Ее переполняло неведомое доселе чувство – ненависть. «Джо Романо ответит за убийство матери», – поклялась она себе.

3

Ей требовалось время. Время, чтобы все обдумать и спланировать следующий шаг. Было свыше ее сил оставаться в разоренном доме, и Трейси поселилась в маленькой гостинице на Мэгазин-стрит вдалеке от Французского квартала, где все еще бесновались сума шедшие шестивия. Заметив, что у Трейси нет багажа, портье недоверчиво сказал:

– Вам придется заплатить вперед. Это стоит сорок долларов за ночь.

Из номера Трейси позвонила Кларенсу Десмонду и сообщила, что несколько дней не сможет приходить на работу. Недовольный начальник подавил раздражение.

– Не волнуйтесь. Я постараюсь найти вам замену до вашего возвращения, – ответил он, подумав при этом, что Трейси, вероятно, расскажет Чарлзу, как он пошел ей навстречу.

Следующий звонок она сделала Чарлзу.

– Чарлз, дорогой...

– Трейси, где тебя черти носят? Мама все утро пытается связаться с тобой. Она хотела сегодня с тобой пообедать. Вам надо очень многое обсудить и организовать.

– Извини, дорогой, я в Новом Орлеане.

– Где? Что ты там делаешь?

– Моя мама... умерла. – Слово застряло у нее в горле.

– О! – Тон Чарлза моментально изменился. – Я тебе очень сочувствую. Это, видимо, случилось внезапно. Она же была еще молодой...

«Да, очень молодой», – горько подумала Трейси, а вслух произнесла:

– Да... была...

– Что случилось? Ты сама в порядке?

Трейси никак не могла заставить себя рассказать Чарлзу, что мать покончила с собой. Ей отчаянно хотелось излить душу и сообщить жениху, что сделали с Дорис, но она сдержалась. «Это моя проблема, – решила Трейси. – Нечего взваливать ее на Чарлза», – и ответила только:

– Я в порядке. Не тревожься, дорогой.

– Хочешь, я приеду к тебе?

– Нет, спасибо. Управлюсь сама. Завтра похороню маму. И в понедельник вернусь в Филадельфию.

Трейси повесила трубку. Она не могла собраться с мыслями, поэтому легла на гостиничную кровать и начала считать звукопоглощающие плитки на потолке: «Раз... два... три... Романо... четыре... пять... Джо Романо... шесть... семь... он ей заплатит». В голове не сложилось никакого плана. Трейси знала одно: она не простит Романо и найдет способ отомстить за мать.

В середине дня Трейси вышла из гостиницы и не сворачивала с Кэнел-стрит, пока не наткнулась на оружейный магазин. В клетке за прилавком сидел похожий на труп человек в допотопных зеленых защитных очках.

– Чем могу служить?

– Я... хочу купить пистолет.

– Какой?

– Ну... скажем, револьвер. – Трейси ни разу в жизни не держала в руках оружие.

– Какого калибра: тридцать второго, сорок пятого или...

– Тридцать второго вполне достаточно.

– У меня есть прелестный «смит-и-вессон» за двести двадцать девять долларов и «чартер-армз» за сто пятьдесят девять.

Трейси захватила с собой совсем немного денег.

– А что-нибудь подешевле?

Продавец пожал плечами:

– Дешевле, леди, только рогатка. Вот что, предлагаю вам револьвер тридцать второго калибра за сто пятьдесят долларов плюс коробку патронов.

– Хорошо. – Трейси наблюдала, как он повернулся к арсеналу на столе за его спиной, выбрал револьвер и положил перед ней на прилавок.

– Вы знаете, как с ним обращаться?

– Э... нужно нажать на курок?

Продавец усмехнулся:

– Хотите, я покажу вам, как надо заряжать?

Трейси хотела было ответить, что в этом нет необходимости: она не намерена использовать оружие, ей надо только кое-кого попугать, но вдруг поняла, как это глупо прозвучит, и кивнула:

– Да, пожалуйста, – и стала смотреть, как продавец вставляет патроны в барабан. – Спасибо. – Потом открыла сумочку и отсчитала деньги.

– Мне нужна ваша фамилия и адрес для отчета полиции.

Это не приходило Трейси в голову. Грозить Романо пистолетом – противоправное действие. Но ведь преступник он, а не я.

Продавец поднял голову. За зелеными стеклами очков его глаза показались светло-желтыми.

– Итак, ваша фамилия?

– Смит. Джоан Смит. – Он сделал пометку в карточке.

– Адрес?

– Доумэн-роуд, тридцать-двадцать.

– Такого адреса по Доумэн-роуд нет, – не глядя на Трейси, заметил продавец. – Получилось бы на середине реки. Пусть будет пятьдесят-двадцать. – Он подвинул ей карточку: – Распишитесь.

Она расписалась: «Джоан Смит».

– Все?

– Все. – Продавец осторожно просунул покупку в окошечко решетки.

Трейси, посмотрев на оружие, схватила его, положила в сумочку и поспешила на улицу.

– Эй, леди! – крикнул ей вслед продавец. – Только не забудьте, он заряжен.

Джексон-сквер располагается в сердце Французского квартала, а над улицей, словно перст благословляющий, возвышается красивый собор Сент-Луи. Высокая живая изгородь и изящные магнолии отгораживали прекрасные старинные дома и особняки от шума уличного движения. И в одном из этих домов жил Джо Романо.

Трейси дождалась темноты. Праздничный карнавал переместился на улицу Шартрез, и оттуда доносились отзвуки захватившего ее накануне столпотворения.

Трейси стояла в тени, рассматривала дом и ощущала, как револьвер оттягивает сумочку. Ее план был прост: она решила потребовать от Джо Романо, чтобы тот восстановил честное имя матери. В случае отказа Трейси пригрозит ему револьвером и заставит написать признание. Потом отнесет признание лейтенанту Миллеру, тот арестует Романо, и имя матери будет спасено. Трейси отчаянно хотела, чтобы рядом с ней был Чарлз, но такие вещи лучше совершать в одиночку. Придется избавиться от этого. Но когда все будет кончено, и Романо, как ему и положено, сядет за решетку, Трейси все расскажет. К ней приближался пешеход. Она дождалась, когда он пройдет мимо и площадь снова опустеет.

И тогда подошла к дому и нажала на звонок. Никакого ответа. «Может быть, он на каком-нибудь диком домашнем балу, которые часто организуют в последний день Масленицы? Но я подожду, пока он вернется домой», – подумала Трейси. Внезапно над парадным вспыхнул

свет, дверь отворилась, и на пороге появился мужчина. Его внешность поразила Трейси. Она ожидала увидеть злобного гангстера с отпечатком всех человеческих пороков на лице. А вместо этого увидела симпатичного, обаятельного мужчину, похожего на университетского профессора. Он заговорил низким приветливым голосом:

– Здравствуйте. Чем могу помочь?

– Вы Джозеф Романо? – Голос у Трейси дрожал.

– К вашим услугам. – У него были непринужденные, располагающие манеры. Неудивительно, что мама поверила ему.

– Я хотела бы поговорить с вами, мистер Романо.

Он окинул взглядом ее фигуру.

– Конечно. Заходите, пожалуйста.

Трейси оказалась в гостиной со старинной, красивой, полированной мебелью. Джо Романо неплохо устроился. «На материнские деньги», – с горечью подумала Трейси.

– Я как раз собирался смешать коктейль. Что вы предпочитаете?

– Ничего.

Романо удивленно покосился на нее:

– Что вас привело ко мне, мисс...

– Трейси Уитни. Я – дочь Дорис Уитни.

С минуту Романо непонимающе смотрел на нее, но затем его лицо прояснилось.

– Ах да, я слышал о вашей матери. Очень печально.

Очень печально! Он стал причиной смерти матери, а теперь единственное, что может сказать, – это «очень печально».

– Мистер Романо, окружной прокурор считает, что моя мать виновна в мошенничестве. Вы знаете, что это неправда. Я хочу, чтобы вы помогли мне восстановить ее честное имя.

Романо пожал плечами:

– Я никогда не разговариваю о делах во время Марди-Гра. Это противоречит моей вере. – Он подошел к бару и начал смешивать два коктейля. – Полагаю, вам станет легче, если вы выпьете.

Он не оставлял ей выбора. Трейси открыла сумочку, вытащила револьвер и прицелилась в Романо.

– Я скажу вам, отчего мне станет легче. Мне станет легче, если вы признаетесь в том, что учинили с моей матерью.

Он обернулся и увидел пистолет.

– Лучше уберите, мисс Уитни. Он может выстрелить.

– Обязательно выстрелит, если не послушаетесь. Опишите, как ободрали компанию, довели до банкротства и принудили мою мать к самоубийству.

Теперь глаза Романо смотрели на нее настороженно.

– Понятно. А что, если я откажусь?

– Тогда я убью вас. – Трейси чувствовала, как револьвер трясется в ее руке.

– Вы не похожи на убийцу, мисс Трейси. – Романо двинулся к ней со стаканом в руке. Слова звучали мягко и умиротворяюще. – Поверьте, я не имею никакого отношения к смерти вашей матери. – Напиток брызнул ей в лицо, глаза обожгло спиртом. Через секунду револьвер был выбит у нее из руки. – А твоя старушка надула меня – не сказала, что у нее такая аппетитная дочка.

Он держал Трейси за руки. Ослепленная и напуганная, она попыталась высвободиться, но Романо прижался к ней и притиснул спиной к стене.

– Ты, детка, с характером. Это мне нравится. Такие меня возбуждают. – Голос Романо стал грубым.

Трейси ощущала его крепкое тело. Хотела вывернуться, однако чувствовала себя совершенно беспомощной.

– Пришла сюда немного поразвлечься? Что ж, Джо развлечет тебя.

Она хотела закричать, но только прохрипела:

– Отпусти.

Он сдернул с нее блузку.

– Вот это титьки! Класс! – Романо начал щипать ей соски и выдохнул в лицо: – Ну, сопротивляйся, крошка, я это люблю.

– Отвали!

Романо сжал ее сильнее, и в следующую секунду Трейси оказалась на полу.

– Готов поспорить, тебя ни разу не трахал настоящий мужик. – Он навалился на Трейси всем своим весом, ладони шарили по ее бедрам.

Трейси слепо рванулась в сторону, пальцы наткнулись на револьвер. Она схватила оружие – внезапно раздался выстрел.

– Господи! – воскликнул Романо. Его хватка моментально ослабла. Как сквозь красный туман, Трейси в ужасе разглядела, что он, зажимая бок, повалился на пол.

– Ты меня застрелила, сука... Ты меня застрелила...

Ошеломленная Трейси застыла. Она не могла двинуться, глаза ослепли от режущей боли. Наконец, поднявшись на ноги, она побрела к двери в дальнем конце комнаты. Толчком открыла ее и оказалась в ванной. Остановилась перед раковиной, наполнила ее холодной водой и стала промывать глаза, пока не стихла боль и не вернулось зрение. Взглянула в зеркало. Глаза красные, лицо дикое. «Господи, я только что убила человека!» Трейси бросилась в гостиную.

Джо Романо лежал на полу. Кровь струилась на белый ковер. Трейси наклонилась над ним и невпопад произнесла:

– Извините... Я не хотела...

– «Скорую помощь»... – прохрипел раненый.

Она поспешно подошла к телефону на столе, набрала номер оператора и проговорила сдавленным голосом:

– Немедленно пришлите машину. Адрес: Джексон-сквер, четыре – двадцать один. Огнестрельное ранение. – Трейси повесила трубку и повернулась к Джо Романо. «Господи, не дай ему умереть, – молилась она. – Ты же знаешь, я не намеревалась убивать его!» Она опустилась на колени рядом с Романо. Глаза раненого были закрыты, но он дышал. – «Скорая» выехала, – сказала Трейси и ушла.

Трейси не бежала, чтобы не привлечь к себе внимание. Она плотно завернулась в куртку – так люди не заметят, что на ней порвана блузка. В четырех кварталах от дома Романо начала ловить такси. С полдюжины проехали мимо: в них сидели развеселые, смеющиеся гуляки. Вдали раздались звуки сирены, и через секунду мимо нее в сторону Джексон-сквер пронеслась «скорая помощь». «Надо убираться отсюда», – подумала Трейси. Прямо перед ней к тротуару подъехало такси и высадило пассажиров. Испугавшись, что машину перехватят, она бросилась к шоферу:

– Вы свободны?

– Зависит от того, куда вам надо.

– В аэропорт.

– Садитесь.

По дороге в аэропорт Трейси думала о «скорой помощи». Что, если врачи опоздали и Джо Романо умер? В таком случае она – убийца. Трейси оставила пистолет в доме, а на нем – отпечатки ее пальцев. Она может сказать полиции, что Романо попытался изнасиловать ее, а выстрел – случайность, но ей никто не поверит. Это Трейси приобрела пистолет, который

теперь лежит рядом с телом. И с момента, когда она покинула оружейный магазин, прошло не больше получаса, от силы – час. Надо поскорее сматываться из Нового Орлеана.

– Веселитесь на карнавале? – спросил таксист.

– Я?.. Да... – Трейси достала из сумочки зеркальце и, как сумела, привела себя в порядок.

Глупо было просить Джо Романо сознаться в том, что он сделал с ее матерью. Все вышло не так, как она задумала. Однако как теперь рассказать о случившемся Чарлзу? Он будет потрясен. Но когда она объяснит, все поймет. Уж кто-кто, а Чарлз скажет, как поступить.

Когда такси привезло ее в Международный аэропорт Нового Орлеана, Трейси невольно удивилась: «Неужели я только вчера прилетела сюда? Неужели все произошло за одни сутки?» Самоубийство матери... Ужас, охвативший Трейси, когда ее затянул водоворот карнавала... И стон человека: «Ты меня застрелила... сука».

В терминале аэропорта Трейси казалось, что все осуждающе косятся в ее сторону. «Вот что творит нечистая совесть», – подумала она. Ей очень хотелось узнать о состоянии Джо Романо, но она понятия не имела, в какую его отвезли больницу и куда следует позвонить. «Поправится, – успокаивала себя Трейси. – Мы с Чарлзом приедем на похороны матери, и с Джо Романо будет все в порядке». Она попыталась выбросить из головы лежащего на ковре человека и стекающую на белый ворс кровь. Надо торопиться домой к Чарлзу.

Трейси подошла к стойке авиакомпании «Дельта эрлайнз».

– Пожалуйста, билет туристического класса в один конец до Филадельфии на следующий рейс.

Служащая компании пробежала пальцами по клавиатуре компьютера.

– Рейс триста четыре. Вам повезло: осталось только одно место.

– В котором часу отправление?

– Через двадцать минут. Как раз успеете пройти на посадку.

Трейси полезла в сумочку, но в этот момент скорее почувствовала, чем увидела, как с двух сторон к ней приблизились полицейские в форме.

– Трейси Уитни?

Сердце ее замерло. Глупо отпираться.

– Да...

– Вы арестованы.

Трейси ощутила, как на ее запястьях сомкнулась холодная сталь наручников.

Все происходило как в замедленном кино, но словно с кем-то другим. Трейси будто со стороны видела, как, пристегнутая к одному из полицейских, шла по залу аэропорта и на нее оборачивались другие пассажиры. Трейси втолкнули на огороженное металлической сеткой заднее сиденье черно-белой патрульной машины; взревела сирена, включились красные проблесковые маячки, и они отъехали от тротуара. Стараясь казаться незаметнее, Трейси скрючилась на сиденье. Она – убийца! Джо Романо умер. Но это несчастный случай. Она все объяснит. Ей поверят. Должны!

Трейси привезли в полицейский участок в Алжирском квартале на западном берегу Нового Орлеана – мрачное, тусклое здание, где царил атмосфера безнадежности. Обезьянник был набит всякими неприглядными личностями: проститутками, сутенерами, уличными грабителями. Тут же толкались их жертвы. Трейси подвели к конторке дежурного сержанта.

– Это та самая Уитни, сержанта, – сказал один из задержавших ее полицейских. – Взяли в аэропорту. Хотела смыться.

– Я не...

– Снимите наручники.

Щелкнул замок и освободил запястья. Трейси наконец обрела голос:

– Это был несчастный случай. Я не собиралась убивать его. Он хотел изнасиловать меня. – Несмотря на все усилия Трейси, она говорила истерическим тоном.

– Вы Трейси Уитни?

– Да. Я...

– Заприте ее.

– Нет! Пойдите! Позвольте мне позвонить. Я имею право на телефонный звонок.

– Знаешь наши порядки, детка? Часто оказывалась в каталажке?

– Нет... Но...

– Можешь сделать один звонок. Три минуты. Какой набрать номер?

Трейси так нервничала, что не могла вспомнить номер Чарлза. И даже код Филадельфии. Двести пятьдесят один? Нет, не такой. Она дрожала с головы до пят.

– Быстрее. Я не собираюсь дожидаться всю ночь!

Двести пятнадцать – вот какой код.

– Двести пятнадцать – пятьсот пятьдесят пять – девяносто три – ноль один.

Дежурный сержант набрал номер и подал Трейси трубку. Она слушала, как снова и снова раздавался сигнал. Никто не отвечал. Но ведь Чарлз должен быть дома!

– Время вышло, – буркнул дежурный сержант и начал отбирать у нее телефон.

– Пожалуйста, подождите! – закричала Трейси, но внезапно вспомнила: Чарлз, чтобы его не беспокоили, выключал по вечерам телефон. Слушая глухие гудки, она понимала, что ей до него не добраться.

– Ну все? – спросил полицейский.

Трейси подняла на него глаза и тупо проговорила:

– Все.

Полицейский в рубашке отвел Трейси в кабинет, где ее зарегистрировали и сняли отпечатки пальцев, а затем проводил по коридору в отдельную камеру.

– Слушания состоятся утром, – сказал он.

«Это все не на самом деле, – думала Трейси. – Всего лишь страшный кошмар. Господи, сделай так, чтобы все это было неправдой».

Но вонючая койка в камере была настоящей, и унитаз без сиденья, и решетка тоже.

Ночью время тянулось бесконечно. Если бы только добраться до Чарлза! Трейси нуждалась в нем, как никогда в жизни. Надо было ему обо всем рассказать. «Если бы я так поступила, ничего бы такого не произошло...»

В шесть утра скучающий охранник принес ей чуть теплый кофе и холодную овсянку. Трейси не прикоснулась к завтраку. Ее желудок скрутило узлом. В девять часов к ней явилась охранница:

– Пора, дорогуша. – Она открыла дверь камеры.

– Мне нужно позвонить, – сказала Трейси. – Это очень важно.

– Потом, – заявила охранница. – Ты же не намерена заставлять судью ждать. Тот еще сукин сын.

Она проводила Трейси по коридору в зал заседаний. Пожилой судья сидел на скамье, его голова и руки несильно, но непрерывно дергались. Перед ним стоял окружной прокурор Эд Топпер – худощавый мужчина лет сорока, с вьющимися короткими волосами с сильной проседью и холодными темными глазами.

Трейси проводили на место. Судебный пристав огласил: «Народ против Трейси Уитни», и через секунду она шла к судейской скамье. Судья пробежал глазами лежащие перед ним листы; при этом его голова подергивалась вверх и вниз.

Наступил тот самый момент. Вот теперь Трейси следовало объяснить судье, что произошло на самом деле. Она сцепила руки, чтобы унять дрожь.

– Ваша честь. Это не убийство. Я застрелила его. Но это был несчастный случай. Я только хотела поугатать его. А он попытался изнасиловать меня...

– Ваша честь, – перебил Трейси окружной прокурор, – я не вижу смысла тратить судебное время. Эта женщина, вооруженная револьвером тридцать второго калибра, проникла в дом мистера Романо и попыталась украсть полотно Ренуара стоимостью в полмиллиона долларов. А когда хозяин застиг ее на месте преступления, хладно кровно выстрелила в него и оставила умирать.

От лица Трейси отхлынула кровь.

– О чем?.. О чем это вы говорите? – Сказанное не имело ни малейшего отношения к реальности.

– У нас есть ее пистолет! – выкрикнул окружной прокурор. – Из него она ранила мистера Романо. На нем отпечатки ее пальцев!

Ранила! Значит, Джозеф Романо жив. Она никого не убила.

– Ваша честь, она скрылась с картиной. И теперь полотно скорее всего у какого-нибудь скупщика. По этой причине штат настаивает, чтобы Трейси Уитни была задержана за покушение на убийство и вооруженный грабеж и за нее был назначен залог полмиллиона долларов.

Судья повернулся к оторопевшей Трейси.

– Вас представляет адвокат?

Она даже не услышала его вопроса. Он повысил голос:

– У вас есть защитник?

Трейси покачала головой.

– То, что сказал этот человек, неправда. Я никогда...

– У вас есть средства на адвоката?

В банке хранились ее накопления от зарплаты. Был в конце концов Чарльз...

– У меня... нет... Ваша честь, я не понимаю...

– Суд назначит вам защитника. Вас поместят в тюрьму, и за вас будет назначен залог в пятьсот тысяч долларов. Переходим к следующему делу.

– Подождите! Это ошибка! Я не...

Трейси не помнила, как ее вывели из зала.

Назначенному судом адвокату, Перри Поупу, было под сорок. Этот человек с резкими чертами умного лица и сочувствием в голубых глазах сразу понравился Трейси.

Адвокат вошел в камеру, сел на койку и проговорил:

– Вы много успели, проведя в городе всего двадцать четыре часа. – Поуп улыбнулся. – Впрочем, вам повезло: вы неважный стрелок – пробиты Романо шкуру, он не умрет. – Адвокат достал трубку. – Не возражаете?

– Нисколько.

Адвокат набил трубку, раскурил ее и посмотрел на Трейси.

– Вы не похожи на закоренелую преступницу.

– Я не преступница. Клянусь вам.

– Убедите меня. Расскажите, что произошло. Все с самого начала. И не спешите.

Трейси рассказала. Все. Перри Поуп терпеливо слушал и не проронил ни слова, пока Трейси не закончила. Затем откинулся назад и привалился к стене камеры. Его лицо помрачнело.

– Сукин сын, – тихо обронил он.

– Я не понимаю, о чем мне толковали. – В глазах Трейси промелькнуло неподдельное смятение. – Я ничего не знаю ни о какой картине.

– Все очень просто. Джо Романо обвел вас вокруг пальца точно так же, как вашу мать. Вы сами загнали себя в его ловушку.

– Все равно не понимаю.

– Объясняю: Джо Романо потребует страховку в полмиллиона долларов за Ренуара, которого где-то припрятал. И он получит ее. А страховая компания будет преследовать вас, а не его. Когда осуществится первая часть его плана, Романо продаст Ренуара в частные руки и наживет еще полмиллиона. Так что благодарите себя: вы ведь все решили делать самостоятельно. Неужели не понимаете, что признание под дулом пистолета ни на что не годится?

– Да... наверное... Я думала, что, если сумею выбить из него правду, полиция начнет расследование.

Трубка погасла. Адвокат снова раскурил ее.

– Как вы вошли в его дом?

– Позвонила в дверь, он сам мне открыл.

– Романо утверждает иное: с заднего двора разбито окно, он уверяет, что именно так вы проникли внутрь. Он заявил полиции, что застал вас, когда вы воровали Ренуара. Романо будто бы попытался задержать вас, тогда вы выстрелили в него и убежали.

– Это ложь... Я...

– Это его ложь и его дом. А пистолет – ваш. Неужели вам не ясно, с кем вы имеете дело? – Трейси молча покачала головой. – Тогда позвольте изложить вам факты. Этот город накрепко повязан семьей Орсатти. Здесь ничего не происходит без согласия Энтони Орсатти. Хотите построить дом, замостить улицу, собираетесь заработать на игорном деле, проституции или наркотиках – надо идти к Орсатти. Джо Романо начинал у него боевиком, но теперь шишка в его организации. – Адвокат посмотрел на Трейси с изумлением. – А вы вломились в его дом и наставили на него пистолет.

Трейси устало сидела и долго не отвечала.

– Но вы-то верите мне?

– Верю, – улыбнулся Перри Поуп. – Все было сделано настолько по-идиотски, что похоже на правду.

– Вы поможете мне?

– Попытаюсь. Я отдал бы все, лишь бы засадить их за решетку. Они владеют городом и большинством судей. Если дойдет до суда, они вас так закопают, что вы уже никогда не увидите света дня.

– Если дойдет до суда? – удивленно переспросила Трейси.

Поуп встал и прошелся по камере.

– Я не намерен выставлять вас перед присяжными, потому что, будьте уверены, он посадит своих присяжных. Есть только один судья, которого Орсатти так и не удалось подкупить. Его зовут Генри Лоуренс. Если я сумею устроить, чтобы дело слушал он, то, пожалуй, смогу вам помочь. Это не совсем этично, но я хочу переговорить с ним конфиденциально. Он так же, как и я, ненавидит Орсатти и Романо. Так что теперь задача в том, чтобы заполучить судью Лоуренса.

Перри Поуп добился, чтобы Трейси позволили позвонить Чарлзу. В трубке раздался знакомый голос его секретарши:

– Контора Стенхоупа.

– Хэрриет, это Трейси Уитни. А где...

– О, он пытался дозвониться вам, но у него не было номера вашего телефона. Миссис Стенхоуп не терпит обсуждать с вами приготовления к свадьбе. Не могли бы вы срочно позвонить ей?

– Хэрриет, мне необходимо поговорить с мистером Стенхоупом.

– Извините, мисс Уитни, он уехал на собрание в Хьюстон. Дайте ваш номер телефона, и я уверена, мистер Стенхоуп свяжется с вами.

– Я... – Трейси понимала: нельзя, чтобы Чарлз звонил ей в тюрьму до того, как она все объяснит. – Я... перезвоню ему. – Она медленно опустила трубку на рычаг.

«Завтра, – устало подумала Трейси. – Чарлзу я все объясню завтра».

В тот день Трейси перевели в камеру большего размера. А затем у нее на столе появился хороший горячий обед и чуть позже – цветы с приколотой к ним запиской. Она раскрыла конверт, достала карточку и прочитала: «Не унывайте! Мы одолеем подонков! Перри Поуп».

Адвокат пришел к ней на следующее утро. Трейси увидела, как он улыбнулся, и сразу поняла, что у него хорошие новости.

– Нам повезло! – воскликнул он. – Я только что от судьи Лоуренса и окружного прокурора Топпера. Топпер вопил как недорезанный, но мы заключили сделку.

– Сделку? – изумилась Трейси.

– Я рассказал судье Лоуренсу вашу историю от начала до конца, и он согласился принять от вас признание.

Потрясенная Трейси застыла.

– Но я не...

– Выслушайте меня, – поднял руку Перри Поуп. – Признаваясь, вы экономите деньги штата на судебные издержки. Я убедил судью, что вы не крали картину. Он знает Романо и поверил мне.

– Но если я признаюсь, что виновна, – медленно продолжала Трейси, – что со мной сделают?

– Судья Лоуренс приговорит вас к трем месяцам тюрьмы.

– Тюрьмы!

– Погодите, дайте мне договорить. Он объявит приговор с отсрочкой исполнения, и вы сможете проходить испытательный срок на территории другого штата.

– Но в таком случае у меня появится судимость.

Адвокат вздохнул.

– Если вас будут судить за вооруженное ограбление и покушение на убийство, то вы получите десять лет.

Десять лет в тюрьме!

Перри Поуп пристально посмотрел на Трейси.

– Решать вам. Я не могу давить на вас – только от души советовать. Это чудо, что я сумел проверить такое. Но если вам не нравится сделка, возьмите другого адвоката и...

– Нет-нет. – Трейси понимала, что Поуп говорил искренне. В сложившихся обстоятельствах, учитывая ее безрассудное поведение, адвокат сделал все, что возможно. Если бы только поговорить с Чарлзом! Но ответ надо было давать немедленно. Ей, наверное, повезет, если она отделается трехмесячным условным сроком. – Я... я согласна на сделку, – с трудом проговорила Трейси.

– Вот и умница, – кивнул адвокат.

Трейси больше не позволили подходить к телефону, пока она вновь не оказалась в зале суда. По одну сторону от нее встал Эд Топпер, по другую – Перри Поуп. В судейском кресле восседал внушительного вида мужчина лет пятидесяти, с гладким, без морщин лицом и густыми, модно постриженными волосами.

Судья Генри Лоуренс обратился к Трейси:

– Суд проинформирован о том, что подсудимая намерена изменить показания с «невиновна» на «виновна». Это так?

– Да, ваша честь.

– Стороны согласны?

– Да, ваша честь, – кивнул Перри Поуп.

– Штат не возражает, ваша честь, – проговорил окружной прокурор.

Судья Лоуренс немного помолчал, затем подался вперед и заглянул Трейси в глаза.

– Одна из причин, по которой наша великая страна пребывает в таком плачевном состоянии, состоит в том, что у нас на улицах полно паразитов, полагающих, что им все дозволено. Они смеются над законом. И случается, что судебные органы нянчатся с преступниками. В Луизиане мы не допускаем подобного. Мы считаем, что, если совершено хладнокровное убийство, преступник должен понести достойное наказание.

Трейси, охваченная паникой, повернулась к адвокату. Тот смотрел на судью.

– Подсудимая признала, что пыталась убить выдающегося представителя нашего общества – филантропа, известного и другими достойными делами. Она выстрелила в него в то время, когда пыталась украсть вещь стоимостью полмиллиона долларов. – Голос судьи стал резче. – Суд позаботится о том, чтобы вам не пошли эти деньги впрок. Потому что следующие пятнадцать лет вы проведете в заключении в женском исправительном учреждении Южной Луизианы.

Зал суда закружился у Трейси перед глазами. С ней сыграли ужасную шутку. Судья, исполняя свою роль, перепутал текст. Ему следовало произнести совсем иное. Трейси хотела сказать об этом Перри Поупу, но тот отвернулся. Адвокат перебирал бумаги в портфеле, и Трейси впервые заметила, что его ногти обгрызены до самого мяса. Судья Лоуренс поднялся и собрал документы. Онемевшая Трейси стояла и не могла осознать, что с ней происходит.

К ней подошел судебный пристав и протянул руку.

– Пойдемте.

– Нет! – закричала она и бросилась к судье. – Пожалуйста, нет! Это ужасная ошибка. Я...

Пальцы судебного пристава крепче сомкнулись на ее запястье. И тут Трейси поняла: это вовсе не ошибка. Ее надули. И собираются раздавить.

Как раздавили ее мать.

4

Сообщение о преступлении Трейси и о приговоре, а также полицейский снимок появились на первой полосе «Новоорлеанского курьера». Агентства подхватили новость и разнесли по всей стране, и когда Трейси вывели из здания суда, чтобы поместить туда, где ей надлежало ждать перевода в исправительное учреждение штата, ее уже караулили телевизионщики. Она прятала лицо, но от телекамер не было спасения. Джо Романо интересовал всех, но еще больше людей заинтриговало то, как на него напала молодая красивая грабительница. Трейси казалось, что ее со всех сторон окружают враги. «О Господи, сделай, пожалуйста, так, чтобы Чарлз вытащил меня отсюда! Я не могу рожать нашего ребенка в тюрьме!»

Только на следующий день дежурный сержант разрешил Трейси позвонить по телефону. Ответила Хэрриет:

– Контора мистера Стенхоупа.

– Хэрриет, это Трейси Уитни. Я хочу поговорить с мистером Стенхоупом.

– Одну минутку, мисс Уитни. – В голосе секретарши послышалось сомнение. – Я сейчас посмотрю... посмотрю, на месте ли мистер Стенхоуп.

После долгого, мучительного молчания Трейси наконец услышала голос Чарлза и чуть не расплакалась от радости:

– Чарлз...

– Трейси... Это ты, Трейси?

– Да, дорогой. О, Чарлз... Я никак не могла до тебя дозвониться.

– Трейси, у меня голова идет кругом. Газеты пишут о тебе черт знает что. Я не верю тому, что там написано.

– Это все ложь. Полное вранье. Я...

– Почему ты не позвонила мне?

– Я пыталась, но не могла застать тебя.

– Где ты?

– Я?... В тюрьме Нового Орлеана. Меня пытаются упечь за решетку за то, чего я не совершала. – К своему ужасу, Трейси расплакалась.

– Подожди, газеты пишут, что ты застрелила человека. Это же не так?

– Я в него стреляла, но...

– Значит, правда.

– Все совершенно иначе, чем можно понять из газет. Я тебе все объясню. Я...

– Трейси, ты призналась в том, что покушалась на жизнь человека и украла картину?

– Да, но только потому, что...

– Господи, если тебе так срочно потребовались деньги, могла бы поговорить со мной... Пытаться убить человека!.. Не могу поверить! И родители тоже. Ты на первой странице утреннего выпуска филадельфийской «Дейли ньюс». Впервые дуновение скандала коснулось семьи Стенхоупов.

Сдержанная горечь в голосе Чарлза говорила о глубине его чувств. Трейси так отчаянно рассчитывала на его помощь, а он оказался на их стороне. Она заставила себя не рыдать.

– Милый, пожалуйста, приезжай. Ты все сумеешь уладить.

Последовала долгая пауза.

– Похоже, там ничего не уладишь. Что можно уладить, если ты призналась в том, что совершила все это? Семья не может себе позволить, чтобы ее вмешивали в такие дела. Ты должна понимать это. Выходит, я не знал тебя по-настоящему.

Каждое слово било, как удар молотом. Мир разваливался, и Трейси чувствовала себя одинокой, как никогда в жизни. Никто не придет на помощь, ни один человек.

– А как... как с ребенком?
– Поступай так, как считаешь лучше для твоего ребенка, – отозвался Чарлз. – Извини, Трейси. – И линия разъединилась.
Она стояла, сжимая мертвую трубку.
– Слушай, дорогуша, – начал стоявший за ее спиной заключенный, – если у тебя все, дай-ка я позвоню своему адвокату.
Уже в камере надзирательница предупредила Трейси:
– Будь готова завтра утром к отъезду. В пять часов тебя заберут.

К Трейси пришел посетитель. С тех пор как они виделись в последний раз, Отто Шмидт, казалось, постарел на несколько лет. И выглядел больным.

– Я хочу сказать, что мы с женой очень сочувствуем вам, – начал старый мастер. – Мы уверены, что вы ни в чем не виноваты.

Вот если бы Чарлз так считал!

– Завтра мы с женой пойдем на похороны миссис Дорис.

– Спасибо, Отто.

«Завтра похоронят нас обеих», – горько подумала Трейси.

Ночью она не сомкнула глаз. Ворочалась на узкой тюремной койке и смотрела в потолок. И в уме вновь и вновь прокручивала разговор с Чарлзом. Он даже не дал ей шанса что-либо объяснить.

Надо подумать о ребенке. Трейси случалось читать о женщинах, которые рожали в тюрьмах. Но это было настолько далеко от ее жизни, что все они казались ей людьми с иной планеты. А теперь то же самое случилось с самой Трейси... «Поступай так, как считаешь лучше для твоего ребенка», – сказал ей Чарлз. Трейси хотела бы родить, но понимала, что ребенка с ней не оставят. Отнимут, потому что пятнадцать лет ей придется провести в тюрьме. Да уж лучше пусть ребенок ничего не знает о своей матери.

Трейси расплакалась.

В пять утра в камеру Трейси в сопровождении надзирательницы вошел мужчина-охранник:

– Трейси Уитни?

– Да. – Она сама удивилась тому, как странно прозвучал ее голос.

– По постановлению уголовного суда штата Луизиана вас надлежит препроводить в женское исправительное заведение Южной Луизианы. Пошли, крошка.

Пока Трейси вели по коридору, из соседних камер донеслось несколько выкриков:

– Счастливого пути, дорогуша!

– Скажи мне, где ты припрятала ту мазню, а деньги мы с тобой поделим пополам!

– Если попадешь в «большой дом», спроси Эрнестину Литтлчеп. Она позаботится о тебе!

Трейси прошла мимо телефона, по которому разговаривала с Чарлзом. Прощай, Чарлз!

* * *

Во дворе ее поджидал желтый тюремный автобус с зарешеченными окнами. Двигатель работал на холостом ходу. Внутри уже сидело с полдюжины женщин-заключенных, которых сторожили два вооруженных охранника. Трейси взгляделась в лица компаньенок: одно непокорное, другие скучающие; на иных следы отчаяния. Прежние жизни подошли к концу. Теперь они – изгои, и всех их, как зверей, поместят в клетки. Интересно, подумала Трейси, какие преступления совершили они? Есть ли среди них невинные, как она? И что другие читали у нее на лице?

Поездка тянулась бесконечно долго. В автобусе было жарко и дурно пахло, но Трейси ничего этого не замечала. Она ушла в себя и не видела ни окружающих, ни сочно-зеленых пейзажей за окном машины. Она оказалась в другом времени и в другом месте.

Трейси снова была девочкой с матерью и отцом на берегу океана. Отец на плечах вносил ее на глубину, а когда она вскрикивала, выговаривал: «Ты не маленькая!», и опускал в холодную воду. Когда вода смыкалась над ее головой, Трейси начинала задыхаться и сходила с ума от страха. Отец вытаскивал ее на поверхность и повторял все сначала. С тех пор она панически боялась воды...

В аудиторию колледжа набились студенты, их родители и родные. Трейси произносила выпускную речь и говорила пятнадцать минут. В словах звучали возвышенный идеализм, ссылки на прошлое и вера в будущее. Декан наградил ее ключом «Фи Бета Каппа»¹⁰. «Пусть хранится у тебя», – сказала Трейси матери, и красивое лицо Дорис озарилось гордостью.

«Я еду в Филадельфию, мама. Буду работать в банке».

Ей позвонила ее лучшая подруга Энни Малер:

– Тебе в Филадельфии понравится. Здесь все так культурно. Красивые пейзажи и не хватает женщин. Мужики совершенно изголодались. Я найду тебе место в банке, где работаю сама.

Они занимались любовью с Чарлзом. Трейси смотрела на мелькавшие на потолке тени и думала: «Сколько девушек хотели бы оказаться на моем месте?» Чарлз был первостатейной добычей. Трейси тут же устыдилась этой мысли. Она по-настоящему любила его. Чарлз входил в нее все глубже и чаще. «Ты готова?» – спросил он. И она солгала: «Да!» – «Тебе было хорошо?» – «Да, Чарлз». А сама подумала: «А было ли?» – и снова ощутила чувство вины.

– Ты что, оглохла? Я с тобой говорю! Поднимайся, поднимайся, пошли.

Трейси снова оказалась в желтом тюремном автобусе. Он остановился за мрачным забором каменной кладки. Девять линий ограждений с колючей проволокой наверху окружали пятьсот акров сельхозугодий и леса, принадлежавшие женскому исправительному заведению Южной Луизианы.

– Вылезай, – повторил охранник. – Приехали.

Вот он каков, ад.

---

¹⁰ Привилегированное общество студентов и выпускников колледжей.

5

К новеньким, только что прибывшим заключенным обратилась плотная надзирательница с крашеными темно-каштановыми волосами и каменным лицом:

– Некоторым из вас предстоит пробыть здесь очень долго. Единственный способ выдержать – забыть обо всем, что за этими стенами. В ваших силах облегчить себе срок или сделать его труднее. У нас здесь есть определенные правила, и им надо следовать. Мы говорим вам, когда вставать, когда работать, когда есть и когда идти в туалет. Нарушите какое-нибудь правило – пожалеете, что остались в живых. Мы предпочитаем решать все мирным путем, но знаем, как справиться с бунтарями. – Надзирательница скользнула взглядом по заключенным и задержала глаза на Трейси. – Сейчас вы отправитесь на медосмотр. Затем в душ, затем по камерам. Утром вам объявят ваши производственные обязанности. – Она уже собралась уходить, но тут стоявшая рядом с Трейси бледная девушка попыталась ее о чем-то спросить:

– Извините, не могли бы вы...

Лицо надзирательницы налилось яростью.

– Прикуси свой долбаный язык! Вы отвечаете только в тех случаях, когда вас спрашивают! Ясно? Это касается всех! Поняли, засранки?

И тон, и слова поразили Трейси. Надзирательница дала знак двум охранникам, стоявшим в глубине помещения:

– Уберите отсюда этих дешевок!

Трейси вместе с другими, словно стадо скота, выпроводили вон и повели по коридору. Заключенные оказались в большой комнате, выложенной белой кафельной плиткой. У смотрового кресла стоял толстый, среднего возраста человек в засаленном халате. Одна из охранниц скомандовала:

– Стройся! – и заставила женщин выстроиться в шеренгу.

– Я, леди, доктор Гласко, – сообщил мужчина в халате. – Раздевайтесь!

Женщины нерешительно переглянулись. И одна спросила:

– До какой степени?..

– Вы что, не понимаете слова «раздеваться»? Снимите одежду! Всю!

Заключенные начали медленно раздеваться. Одни сдерживались, другие негодовали, третьи выказывали полное безразличие. Слева от Трейси стояла женщина под пятьдесят и немилосердно тряслась, справа – худая до жалости девушка, которой на вид было не больше семнадцати лет. Всю ее кожу покрывали прыщи.

Врач кивнул первой:

– Садись в кресло и поднимай ноги. – Женщина колебалась. – Ты задерживаешь остальных, – поторопил ее врач. Заключенная повиновалась. Он ввел зеркало ей во влагалище. – Венерическими заболеваниями страдаешь?

– Нет.

– Ладно, мы все скоро выясним.

Первую сменила в кресле вторая. Врач уже собирался приступить к осмотру. Но в это время Трейси крикнула:

– Подождите!

Доктор удивленно поднял глаза.

– В чем дело?

Все повернулись к Трейси.

– Вы не продезинфицировали инструмент!

Доктор Гласко холодно улыбнулся.

– У нас здесь появился гинеколог. Боишься заразы, да? Тогда становись в конец очереди.

– Что? – оторопела Трейси.

– Ты что, не понимаешь по-английски? Вали назад! – Растерявшаяся Трейси заняла место в конце шеренги. – А теперь, если никто не возражает, продолжим, – ухмыльнулся врач и ввел зеркало в лежащую в кресле женщину. Только тут Трейси догадалась, почему ее поставили последней: врач до нее намеревался исследовать всех одним и тем же нестерильным инструментом. Трейси охватил гнев. Могли бы осматривать по одной, а не унижать, раздевая всех скопом! И ведь этому подонку все сойдет! Потому что если протестовать – то дружно! Но вот наступила ее очередь. – Прошу в кресло, мисс доктор!

Трейси колебалась, но выбора не оставалось. Она села в кресло и закрыла глаза. Врач раздвинул ей ноги и ввел инструмент. Трейси почувствовала холод стали. Инструмент двигался в теле: ей делали больно – намеренно. Трейси скрипнула зубами.

– У тебя что: сифилис или гонорея?

– Ни того, ни другого. – Она не собиралась говорить этому монстру про ребенка. Скажет потом начальнику тюрьмы. Зеркало грубо выдернули из ее тела. Врач натянул на руки резиновые перчатки.

– Ну а теперь вставай и назад в строй. Проверим ваши симпатичные попки.

– Зачем вы это делаете? – не удержалась Трейси.

Доктор Гласко поднял на нее глаза.

– Я тебе скажу, моя милая врачиха, зачем. Затем что задница – прекрасный тайник. У меня есть целый склад марихуаны и кокаина, которые я извлек из дамочек вроде тебя. Ну давайте, нагибайтесь! – Он шел вдоль шеренги и вставлял палец в один анус за другим.

Трейси стало дурно. Она почувствовала, как к горлу подступил горячий ком, и икнула.

– Только попробуй – наблюдай мне здесь. Я ткну тебя в блевотину мордой! – Врач повернулся к охранницам. – Ведите их в душ! От них воняет!

Неся одежду в руках, заключенные перешли по коридору в большое бетонное помещение, где располагалась дюжина открытых душевых кабинок.

– Одежду сложить в углу! И под душ! – скомандовала надзирательница. – Для тела используйте дезинфекционное мыло – трите все: от головы до ног. А волосы мойте шампунем.

Трейси ступила с грубого цементного пола в кабинку. Вода оказалась прохладной. Она изо всех сил втирала в кожу мыло, а сама думала: «Мне теперь никогда не отмыться! Что же здесь за люди такие работают? Почему они так грубо обращаются с себе подобными? Нет, пятнадцать лет я здесь не выдержу».

– Эй, ты! – крикнула ей охранница. – Время вышло! Выходи!

Трейси снова очутилась на цементном полу, а ее место заняла другая заключенная. Трейси вручили тонкое, потертое полотенце, и она кое-как вытерлась.

Когда вымылась последняя женщина, их отвели на склад одежды, где возле полок стояла заправлявшая всем заключенная-латиноамериканка. Она обмерила каждую и выдала положенную форму: два платья, двое трусов, два лифчика, две пары обуви, две ночные рубашки, гигиенический пояс, расческу и сумку для прачечной. Охранница наблюдала, как они одевались.

Затем их препроводили в комнату, где на треноге стоял большой портретный аппарат, возле которого возилась заключенная-фотограф.

– К стене!

Трейси встала возле стены.

– Анфас! – Она уставилась в объектив. Щелк! – Голову направо! – Трейси повиновалась. Щелк! – Налево! – Щелк! – К столу!

На столе располагалось оборудование для снятия отпечатков пальцев. Пальцы Трейси прокатали в красителе и придавили к белой картонке.

– Левая рука. Правая рука. Вытирай пальцы. С тобой все.

«Она права: со мной все, – грустно подумала Трейси. – Я – только номер. Безликая, безымянная».

Охранница показала пальцем на Трейси:

– Уитни? С тобой хочет говорить начальник тюрьмы.

У Трейси екнуло сердце. Это Чарлз. Он что-то предпринял. Разве он способен бросить ее? Ни за что – как и она его! А тогда разговаривал так, потому что был потрясен от неожиданности. Потом все обдумал и понял, что по-прежнему любит ее. Потолковал с начальником тюрьмы, объяснил ужасную ошибку. И теперь ее отпустят.

Трейси провели по другому коридору, через две надежно зарешеченные двери, которые сторожили охранники и охранницы. Когда Трейси пропускали во вторые двери, ее чуть не сбила с ног заключенная, гигантского роста и очень крупная. Трейси таких никогда не видывала – выше шести футов и весила, наверное, не меньше трех сотен фунтов. Плоское в оспинах лицо, дикие желтые глаза. Она схватила Трейси за руку, не дала упасть и положила ладонь ей на грудь.

– Эй, да у нас новая рыбка, – повернулась она к охраннице. – Может, посадишь ко мне? – Женщина говорила с сильным шведским акцентом.

– Извини, Берта, ее уже определили, – ответила охранница.

Амазонка погладила Трейси по лицу. Та отпрянула, и великанша рассмеялась:

– Ну ничего, крошка, еще познакомишься с Большой Бертой. У нас уйма времени. Мы никуда не спешим.

Они подошли к кабинету начальника тюрьмы. У Трейси от волнения дрожали ноги. Там Чарлз или нет? Или направил своего адвоката?

Секретарь кивнул охраннице:

– Он ждет. Задержитесь здесь.

* * *

Начальник тюрьмы Джордж Брэнниган сидел за исцарапанным столом и изучал какие-то бумаги. На вид лет сорока пяти, он был худощав, с усталым от забот чувственным лицом и запавшими карими глазами.

Джордж Брэнниган уже пять лет отвечал за женское исправительное учреждение Южной Луизианы. Он прибыл сюда с багажом современного пенолога и рвением идеалиста, горя желанием осуществить кардинальные реформы в тюрьме. Но тюрьма обломала Брэннигана, как до этого многих его предшественников.

Некогда тюрьму строили так, чтобы содержать в камерах по две женщины. Но теперь в них сидели по четыре и по шесть. Надзиратель знал, что подобная ситуация существует повсюду. По всей стране тюрьмы переполнены и в них не хватает персонала. Тысячи преступников, обреченных на полное безделье, дни и ночи пестовали в себе ненависть и мечтали, как бы отомстить. Эта глупая, дикая система была распространена повсеместно.

Начальник тюрьмы позвонил секретарю:

– Давай ее сюда!

Надзирательница отворила дверь, и Трейси вступила в кабинет.

Начальник тюрьмы Брэнниган поднял глаза на стоявшую перед ним женщину. Одета в грязноватую желто-коричневую тюремную форму, лицо одутловатое от усталости, но все еще красивое – искреннее, прямодушное. «Сколько она еще продержится в таком виде?» – подумал Брэнниган. Эта арестантка его особенно интересовала: он прочел о ней в газетах и изучил ее дело. Женщина оступилась впервые, никого не убила, так что пятнадцать лет за решеткой – наказание необычайно суровое. И то, что ее обвинителем был Джозеф Романо, делало приго-

вор особенно подозрительным. Но начальник тюрьмы был всего лишь стражем тел. Он не мог искоренить систему, поскольку сам был частью этой системы.

– Пожалуйста, садитесь, – предложил Брэнниган.

Трейси с радостью опустилась на стул. Ноги дрожали в коленях. Вот сейчас ей скажут про Чарлза. Скажут, когда ее освободят.

– Я просмотрел ваше дело, – начал начальник тюрьмы.

Это Чарлз попросил его.

– Вы к нам надолго. Приговор – пятнадцать лет заключения.

Только через несколько мгновений его слова дошли до сознания Трейси. Что-то получалось совсем не так.

– Вы говорили с Чарлзом? – От волнения она стала за икаться.

Брэнниган удивленно посмотрел на нее:

– С каким Чарлзом?

Теперь все стало ясно. Внутри у нее похолодело.

– Пожалуйста, – пробормотала Трейси. – Пожалуйста, выслушайте меня. Я невиновна. Зачем меня сюда за прятали?

Сколько раз Брэннигану приходилось это слышать? Сотню? Тысячу? «Я невиновна».

– Суд счел вас виновной, – возразил начальник тюрьмы. – Со своей стороны могу посоветовать вам только одно: постарайтесь облегчить себе срок. Это возможно только в том случае, если вы примете условия заключения. Так вам будет гораздо легче. В тюрьме нет часов – только календари.

«Меня же не могут запереть на пятнадцать лет! – в отчаянии думала Трейси. – Я хочу умереть. Господи, возьми меня отсюда! – И тут же пришла другая мысль: – Нет-нет, я не могу умирать. Тогда я убью своего ребенка. Это и твой ребенок, Чарлз. Почему же тебя нет рядом? Почему ты не помогаешь мне?» В этот момент Трейси возненавидела своего жениха.

– У вас есть какие-нибудь особые проблемы? – спросил начальник тюрьмы Брэнниган. – Если я могу вам чем-нибудь помочь, приходите ко мне. – Говоря это, он ясно понимал, насколько пусты его слова. Она молодая, красивая, свежая. Тюремные лесбиянки, охочие до развлечений, кинутся на нее, как мухи на мед. У Брэннигана не найдется для нее ни одной безопасной камеры. Каждую камеру контролирует свой трахач. До начальника тюрьмы дошли слухи о ночных изнасилованиях в душе, в туалете, в коридорах. Но они оставались всего лишь слухами, поскольку жертвы никогда не заявляли на обидчиков. Или вскоре умирали. – Если вы будете хорошо себя вести, то выйдете отсюда через двенадцать или...

– Нет! – завопила Трейси. Это был крик беспредельного отчаяния. Она вскочила на ноги. Но к ней тут же подбежал охранник и схватил за руку.

– Полегче! – приказал ему Брэнниган.

Он сидел за столом, беспомощный, и смотрел, как Трейси уводили из кабинета.

Трейси провели по нескольким коридорам, мимо камер, где сидели самые разномастные заключенные. Черные, белые, смуглые, желтые. Они тарасились на Трейси и кричали с десятками разных акцентов. Но Трейси никак не могла разобрать слов.

– Медвежатина...

– Сбежать она...

– Чижа чиня...

– Свяжи сено...

И только оказавшись в блоке, где находилась ее камера, Трейси догадалась, что скандировали женщины: «Свежатина!»

6

В блоке «С» находились шестьдесят женщин – по четыре в каждой камере. Трейси шла по длинному вонючему коридору и видела, как из-за решеток выглядывали лица – их выражение было самым различным: от безразличия до вождения и ненависти. Трейси погружалась под воду в незнакомое царство – чужая, в медленно разворачивающемся сне. Горло раздирало от неслышных криков загнанного в ловушку тела. Последней надеждой был вызов в кабинет начальника тюрьмы. Теперь не осталось ничего. Ничего, кроме одуряющей перспективы провести пятнадцать лет в этом поганом болоте.

Надзирательница открыла дверь камеры.

– Внутрь!

Трейси моргнула и огляделась. Три женщины молча смотрели на нее из камеры.

– Вперед! – повторила надзирательница.

Трейси, помедлив, переступила порог камеры. Она слышала, как за ней захлопнулась дверь.

Вот она и дома.

Переполненная камера едва вмещала четыре койки, маленький столик с висевшим над ним треснувшим зеркалом, четыре крохотных шкафчика и в углу унитаза без сиденья.

Сокамерницы во все глаза таращились на Трейси. Первой нарушила молчание пуэрториканка:

– Похоже, у нас новая соседка. – У нее был низкий, гортанный голос. Ее можно было бы назвать красивой, если бы не багровый шрам от ножа, тянувшийся от шеи до виска. На вид пуэрториканке было не больше четырнадцати лет, но стоило заглянуть ей в глаза, и это впечатление рассеивалось.

Второй была плотная мексиканка среднего возраста.

– *Que suerte verte!*¹¹ – бросила она. – Приятно познакомиться. И за что же тебя упекли, *querida*¹²?

Потрясенная Трейси не нашлась что ответить.

Третья женщина была черной, высокой, почти шести футов, с узкими настороженными глазами и холодным, ожесточенным выражением лица. Она была обрита наголо, и в тусклом свете камеры ее череп отливал темной синевой.

– Твоя койка вон там в углу.

Трейси подошла к кровати и посмотрела на матрас, сальный, заляпанный выделениями бог знает скольких спавших здесь до нее арестанток. Она не могла заставить себя дотронуться до него. И неожиданно для себя с отвращением сказала:

– Я не могу на нем спать.

– И не надо, – усмехнулась толстая мексиканка. – *Нау tiempo*¹³. Можешь спать на моем.

Поняв скрытый смысл ее слов, Трейси вздрогнула. Три женщины смотрели на нее и раздевали глазами. Свежати́на! Ее охватил ужас. «Нет, я ошибаюсь. Господи, только бы я ошиблась!»

– К кому мне обратиться, чтобы выдали чистый матрас? – спросила она.

– Ко Всевышнему, – хохотнула черная. – Вот только Он что-то давненько сюда не заглядывал.

---

¹¹ Как я рада видеть тебя! (*исп.*)

¹² Дорогая (*исп.*).

¹³ Время еще есть (*исп.*).

Трейси снова опустила глаза на кровать. Поперек матраса ползли несколько больших черных тараканов.

«Я здесь не выдержу, – подумала она. – Сойду с ума».

Черная словно угадала ее мысли.

– Оботрешься, крошка. – Трейси вспомнила слова начальника тюрьмы: «Мой совет – облегчите себе срок». – Я Эрнестина Литтлчеп, – продолжала черная и кивнула в сторону женщины со шрамом. – Это Лола. Она из Пуэрто-Рико. А та толстуха – мексиканка Паулита. А ты кто такая?

– Я Трейси Уитни. – Она чуть не сказала: «Я была Трейси Уитни». У нее возникло кошмарное ощущение, что она лишается собственного «я». Горло сдавил тошнотный спазм. Пришлось ухватиться за край кровати, чтобы не упасть.

– Откуда ты, дорогуша? – спросила толстуха.

– Извините, мне не до разговоров. – Трейси внезапно почувствовала, что у нее подкосились ноги. Она опустилась на край сального матраса и смахнула подолом капли холодного пота с лица. «Ребенок, – подумала она. – Надо было признаться начальнику тюрьмы, что я беременна. Тогда он поместил бы меня в чистую камеру. Может быть, даже предоставил отдельную комнату».

В коридоре раздались шаги. Надзирательница заглядывала в камеры. Трейси поспешила к решетке.

– Простите, мне необходимо поговорить с начальником тюрьмы.

– Сию минуту пришло, – хмыкнула надзирательница.

– Вы не понимаете. Я...

Надзирательница прошла мимо.

Трейси, чтобы не зарыдать, запихнула в рот костяшки пальцев.

– Ты что, больна, дорогуша? – спросила пуэрториканка.

Трейси покачала головой. Не в силах произнести ни слова, она медленно вернулась к кровати. Несколько секунд смотрела на грязный матрас, а затем легла. Это был жест бессилия. Трейси сдалась и закрыла глаза.

* * *

Десятый день рождения стал самым волнующим днем в ее жизни. «Идем обедать к Антуану», – объявил отец.

К Антуану! Это имя вызывало в воображении совершенно иной мир – мир красоты, блеска и богатства. Трейси знала, что у отца немного денег. «На следующий год мы можем себе позволить каникулы», – эти слова рефреном звучали в их доме. И вот теперь они идут к Антуану! Мать надела на нее новое зеленое платье.

«Только посмотрите, какие красотки! – расхвастался отец. – У меня две самые очаровательные женщины в Новом Орлеане. Все станут завидовать мне».

Антуан – это было гораздо больше, чем мечтала Трейси. Намного больше. Сказочная страна, изящно, со вкусом украшенная – скатерть, сияющие золотом и серебром вензеля на тарелках. «Настоящий дворец, – подумала Трейси. – Сюда наверняка приходят короли и королевы. – Она слишком волновалась, чтобы есть, и во все глаза смотрела на красиво одетых мужчин и женщин. – Когда я вырасту, – пообещала себе Трейси, – буду приходить сюда каждый вечер. И приводить маму и папу».

«Ты не ешь, Трейси», – упрекнула ее мать.

И, чтобы угодить матери, она начала есть.

Ей заказали торт с десятью свечами, и официанты спели «С днем рождения!». Гости повернулись и начали аплодировать. А снаружи, с улицы, донесся звонок трамвая.

Звонок! Громкий и очень настойчивый.

– Время ужинать, – объявила Эрнестина.

Трейси открыла глаза. Во всем блоке хлопали двери камер. Она лежала на койке и отчаянно пыталась остаться в прошлом.

– Эй, пора пожевать! – бросила пуэрториканка.

– Я не голодна. – При мысли о еде Трейси стало дурно.

– Es Llano, – сказала толстая мексиканка Паулита. – Все очень просто. Им без разницы, хочешь ты есть или нет. Всем положено являться на жрачку.

Заключенные строились снаружи в коридоре.

– Двигай, а то задницу начистят.

«Я не способна пошевелиться, – подумала Трейси. – Останусь в камере».

Ее сокамерницы вышли в коридор и заняли места в двойной шеренге. Внутри заглянула низенькая плотная надзирательница с обесцвеченными пергидролом волосами и увидела Трейси.

– Эй, ты! Что, не слышала звонок? Ну-ка, выметайся!

– Спасибо, я не голодна, – ответила Трейси. – Пожалуйста, оставьте меня в покое.

От изумления глаза надзирательницы полезли на лоб. Она ворвалась в камеру и подскочила к кровати.

– Что, черт побери, ты о себе возомнила? Ждешь, чтобы подали в номер? Живо поднимайся и в строй! Не то включу тебя в рапорт! Еще раз повторится – отправишься в мориловку! Ясно?

Трейси было не ясно. Она вообще ничего не понимала из того, что с ней происходило. Трейси с трудом встала с койки, поплелась к строю и встала рядом с черной.

– Почему я должна?..

– Заткнись! – одним уголком губ прорычала Эрнестина Литтлчеп. – В строю нельзя разговаривать.

Женщины проследовали узким унылым коридором сквозь две двери безопасности и оказались в большом зале, где громоздились деревянные столы и стулья. У длинной стойки выстроилась очередь за пищей. Меню на этот день включало водянистую запеканку из тунца, вялую зеленую фасоль, пирожное с бледным заварным кремом и на выбор либо жидкий кофе, либо фруктовый синтетический сок. Неаппетитную еду швыряли в металлические миски, и обслуживавшие очередь заключенные все время покрикивали:

– Живей, живей, проходи, не задерживаться!

Когда очередь дошла до Трейси, она в нерешительности стояла с миской в руке. Оглянулась в поисках Эрнестины Литтлчеп, но черная как сквозь землю провалилась. Трейси подошла к столу, за которым сидели Лола и толстуха-мексиканка Паулита. Двадцать женщин-заключенных с жадностью заглатывали куски неаппетитной еды. Трейси опустила глаза на то, что лежало в миске, и, почувствовав, как к горлу подкатила тошнота, поспешно оттолкнула ее от себя. Миску тут же перехватила Паулита.

– Если не будешь есть, я возьму себе.

– Ешь, – посоветовала ей Лола, – не то долго здесь не протянешь.

«А я и не хочу долго здесь тянуть, – с отчаянием подумала Трейси. – Я хочу умереть. Не понимаю, как эти женщины выдерживают здешние условия жизни. Сколько они здесь находятся? Месяцы? Годы?» Трейси вспомнила вонючий, тошнотворный матрас и чуть не закричала. Стиснула зубы так, чтобы ни один звук не слетел с губ.

– Заметят, что не ешь, отправят в мориловку, – сказала мексиканка и, поймав недоумевающий взгляд, объяснила: – Полная дыра – одиночка. Вряд ли тебе придется по нраву. Первый

раз в каталажке? Так я дам тебе наколку, *querida*: здесь всем заправляет Эрнестина Литтлчеп. Веди себя с ней поласковой, и у тебя все будет хорошо.

* * *

Через полчаса после того, как женщины оказались в зале, снова грянул громкий звонок. Заключенные поднялись. Паулита схватила из соседней миски оставшуюся фасолину, Трейси встала за ней в шеренгу, и женщины отправились по камерам. Ужин подошел к концу. Было только четыре часа дня. До того как выключат свет, предстояло выдержать пять долгих часов.

Когда Трейси вошла в камеру, Эрнестина Литтлчеп была уже там. Промелькнула смутная мысль: где она находилась во время ужина? Трейси покосилась на унитаз в углу – ей отчаянно хотелось в уборную, но она не могла заставить себя отправлять свои потребности при посторонних. Придется дожидаться, когда погасят свет. И Трейси села на край кровати.

– Я так понимаю, что за ужином ты ничего не ела, – начала Эрнестина. – Глупо.

Откуда она узнала? И какое ей дело?

– Как мне повидаться с начальником тюрьмы?

– Следует подать прошение в письменном виде. И охранницы подотрутся им в сортире. Каждую засранку, которая требует встречи с начальником тюрьмы, они считают бунтаркой. – Эрнестина подошла к Трейси. – Здесь очень просто вляпаться в дерьмо. Тебе необходим друг, чтобы спасти твою задницу. – Она улыбнулась, сверкнув золотым зубом, голос ее стал мягче. – Тебе нужен человек, который знает порядки в этом зверинце.

Трейси подняла глаза. Ей показалось, что лицо черной плавало где-то под потолком.

Ничего выше Трейси в жизни не видела.

«Жираф», – объяснил отец.

Они пошли в зверинец в Аудубан-парке. Трейси нравился этот парк. По воскресеньям они ходили туда слушать оркестр, а потом мама или папа водили ее в аквариум или зоопарк. Медленно бродили и разглядывали зверей в клетках.

«Папа, им, наверное, плохо взаперти?»

Отец рассмеялся.

«Нет, Трейси, у зверей замечательная жизнь. О них заботятся, их кормят, и до них не могут добраться их враги».

Звери жалобно смотрели на Трейси. Ей очень хотелось открыть двери и выпустить всех на волю. «Никак уж не хотела бы попасть вот так за решетку», – думала она.

Без четверти девять в тюрьме раздался предупреждающий звонок. Сокамерницы Трейси начали раздеваться. Она не шелохнулась.

– У тебя пятнадцать минут, чтобы подготовиться ко сну, – бросила ей Лола.

Женщины сняли с себя одежду и облачились в ночные рубашки. Проходившая мимо охранница с обесцвеченными волосами увидела, что Трейси лежит на койке, и остановилась.

– Раздевайся! – приказала она. И повернулась к Эрнестине: – Вы что, не сказали ей?

– Говорили, – ответила та.

Охранница снова посмотрела на Трейси.

– Мы знаем, как справляться с бунтарками. Поэтому лучше делай то, что тебе говорят. Иначе начистим задницу. – Она повернулась и пошла по коридору.

– Слушай, что она говорит, – предупредила Паулита. – Старушка Железные Порты – та еще стерва!

Трейси медленно поднялась и, стоя спиной к остальным, начала раздеваться. Сняла все, кроме трусов, и надела грубую ночную рубашку. Она чувствовала на себе глаза своих сокамерниц.

– Хорошая фигурка, – прокомментировала Паулита.

– Да, что надо, – отозвалась Лола.

Трейси почувствовала озноб. Эрнестина подошла и посмотрела на нее сверху вниз.

– Мы твои подруги. Мы позаботимся о тебе. – Голос ее звучал хрипло от возбуждения.

Трейси отпрянула.

– Оставьте меня в покое! Все! Я – не такая!

– Ты будешь точно такой, как нам надо, крошка, – усмехнулась чернокожая.

– *Naу tiempo*. Времени навалом.

Свет погас.

Темнота была врагом Трейси. Она напряженно сидела на краю кровати. И чувствовала: эти трое только и ждут, чтобы броситься на нее. Или у нее разыгралось воображение? Измученной Трейси казалось, что все против нее. Угрожают ли ей сокамерницы? Непохоже. Может быть, просто они старались вести себя по-дружески, а она приписала им злостные намерения? Трейси слышала о проявлении лесбийских и гомосексуальных наклонностей в тюрьмах, но не сомневалась, что это исключение, а не правило. Начальство пресекло бы такое поведение.

Но мучительное сомнение не отпускало. И Трейси решила ночью не спать. Если на нее нападут, она позовет на помощь. Здесь есть охранники, и они должны следить, чтобы с заключенными ничего не случилось. Трейси убеждала себя, что тревожиться не о чем. Просто надо быть наготове.

Она сидела в темноте на краю кровати и прислушивалась к каждому шороху. Различила, как женщины одна за другой ходили в туалет и возвращались на свои места. А когда уже не смогла терпеть, тоже направилась в угол. Хотела пустить воду, но смыв не работал. Здесь стояла невыносимая вонь. Трейси поспешила обратно и села на матрас. «Скоро включают свет, – думала она. – Наступит утро. Я попрошусь на прием к начальнику тюрьмы. Признаюсь ему, что беременна, и он переведет меня в другую камеру».

Все ее тело затекло и ныло. Трейси откинулась на кровати и в ту же секунду, почувствовав, как что-то пробежало возле шеи, едва подавила крик. «Нужно дотерпеть до утра, – уговаривала она себя. – Утром все будет хорошо. Еще немного, совсем немного».

В три часа ночи Трейси уже не могла разлепить глаза. И заснула.

Проснулась она от того, что кто-то зажимал ей ладонью рот. А две другие руки накрыли груди. Трейси попыталась сесть и крикнуть, но почувствовала, как кто-то срывает с нее рубашку и трусы. Пальцы скользнули между бедер, развели ноги. Пытаясь подняться, она отчаянно сопротивлялась.

– Тише, – раздался в темноте над ухом шепот. – Тебе никто не сделает больно.

Трейси двинула ногой в сторону голоса и не промахнулась.

– *Carajo!* – воскликнула невидимая сокамерница. – Врежьте ей как следует! Тащите на пол!

Твердый кулак угодил Трейси в лицо. Следующий удар был направлен под дых. На нее навалились, придавили к полу, придушили, бесстыжие руки шарили по телу.

На одну секунду Трейси удалось высвободиться, но тут же ее ударили головой о решетку, и она почувствовала, как из носа потекла кровь. Трейси лежала на бетонном полу. Руки и ноги прижали к плиткам. Она боролась, как сумасшедшая, но не могла одолеть трех сокамерниц. Холодные ладони и горячие языки ласкали ее тело. Ноги с силой развели в стороны, и у нее

внутри оказался твердый холодный предмет. Трейси отчаянно извивалась, беспомощно пыталась крикнуть. Ей заткнули рот, и она, вложив в укус всю силу, вцепилась зубами в чью-то руку.

– Гадина! – раздался приглушенный крик.

Ее снова стали бить по лицу. Трейси все глубже и глубже тонула в боли, пока не перестала чувствовать.

Трейси очнулась от дребезжания тюремного звонка. Она лежала совершенно голая на цементном полу камеры. А три ее сокамерницы спали на своих койках. Железные Порты шла по коридору и кричала:

– Подъем! Приводить себя в порядок!

Заметив, что Трейси лежит на полу в лужице крови и один ее глаз совершенно заплыл, охранница открыла дверь и вошла внутрь.

– Что здесь происходит?

– Должно быть, свалилась с койки, – предположила Эрнестина Литтлчеп.

Охранница подошла к Трейси и ткнула носком ботинка в бок:

– Ну, ты, вставай!

Трейси слышала голос словно откуда-то издалека. «Да, – думала она, – надо встать, надо выбираться отсюда». Но не могла пошевелиться. Все тело вопило от боли.

Надзирательница схватила ее за плечо и заставила сесть. Трейси чуть не потеряла сознание.

– Что тут случилось?

Трейси, будто в тумане, видела неясные силуэты своих сокамерниц. Женщины ждали, что она ответит.

– Я... я... – Она пыталась говорить, но слова застревали в горле. Трейси попыталась снова, и глубоко запрятанный животный инстинкт заставил ее произнести: – Я... упала с кровати.

– Терпеть не могу смазливых сучонок, – бросила надзирательница. – Придется поместить тебя в мориловку, пока не научишься, как себя вести.

Наступило забытье, нечто вроде возвращения в материнскую утробу. Трейси осталась одна в темноте. В тесной подвальной камере не было никакой мебели – только на холодном цементе тоненький, вытертый матрас. В полу булькала служившая туалетом дыра. Трейси лежала в черноте и мурлыкала народные песни, которым давным-давно научил ее отец. Трейси не сознавала, что оказалась на грани безумия.

Она не очень понимала, где находится, но это не имело значения. «Должно быть, упала и ударилась, но мама обо мне позаботится». Она окликнула неверным голосом:

– Мама! – но, не получив ответа, снова уснула.

Трейси спала сорок восемь часов. Наконец беспмятство сменилось болью, а та уступила место горю. Она открыла глаза – ее ничто не окружало: стояла такая кромешная тьма, что Трейси даже приблизительно не могла определить очертания камеры. На нее нахлынули воспоминания. Трейси отнесли к врачу, и она различила голос: «...сломано ребро и раздроблено запястье... мы это все зафиксируем... порезы и ушибы серьезные, но они пройдут... она потеряла ребенка...»

– Ребенок... – прошептала Трейси. – Они убили моего ребенка... – Она заплакала. Горевала по потерянному ребенку. И по себе. Оплакивала весь безумный мир.

Трейси лежала на тонком матрасе в холодной темноте, испытывая такую ненависть, что от нее сотрясалось все тело. Мысли обжигали мозг нестерпимым пламенем и вскоре испепелили его. У Трейси осталось одно чувство: отомстить! Но отомстить не трем ее сокамерницам. Они такие же жертвы, как она. Отомстить людям, которые погубили ее жизнь!

Джо Романо: «...твоя старушка надула меня. Не сказала, что у нее такая аппетитная дочка...»

Энтони Орсатти: «...Джо Романо работает на человека по имени Энтони Орсатти. Энтони Орсатти контролирует весь Новый Орлеан...»

Перри Поуп: «...признав себя виновной, вы избавите штат от судебных расходов...»

Судья Генри Лоуренс: «...следующие пятнадцать лет вы будете находиться в заключении в женском исправительном учреждении Южной Луизианы...»

Вот кто были врагами Трейси. И еще оставался Чарлз, который даже не выслушал ее: «... если тебе так неотложно понадобились деньги, могла бы обсудить это дело со мной... оказывается, я тебя совершенно не знал... поступай со своим ребенком, как считаешь лучше...»

Они ей заплатят. Каждый. Трейси не представляла, как ей удастся отомстить. Но не сомневалась, что месть свершится. «Завтра, – думала она. – Если наступит завтра».

7

Время потеряло всякий смысл. В камере не было света, поэтому день ничем не отличался от ночи, и Трейси понятия не имела, давно ли находится в одиночке. Периодически сквозь щель под дверью ей просовывали холодную пищу. У Трейси не было аппетита, но она заставляла себя съесть все до последнего кусочка. «Надо есть, а то ты здесь не долго протянешь». Теперь она это отлично сознавала. И еще понимала: ей понадобятся все силы, чтобы осуществить задуманное. То положение, в каком оказалась Трейси, большинство людей сочли бы безвыходным: посажена в тюрьму на пятнадцать лет. У нее нет ни денег, ни друзей, ни каких-либо возможностей. Но в глубинных недрах Трейси открылась тайная сила. «Я выживу, – думала она. – Нагая встречусь с врагами, и моя смелость станет мне щитом». Она выживет, как выжили ее предки. В ней перемешалась кровь англичан, ирландцев и шотландцев, и Трейси от всех унаследовала лучшие качества: ум, храбрость и волю. «Мои предки выстояли во время голода, чумы и потопов. Выстою и я». Все предки Трейси были теперь с ней в этой адской камере: пастухи и охотники, фермеры и владельцы магазинов, врачи и учителя. «Я не подведу вас», – прошептала Трейси в темноту теням из прошлого.

И начала планировать побег.

Трейси понимала: первое, что следует сделать, – восстановить силы. Для интенсивных физических упражнений камера была слишком тесна, но она позволяла заняться тайцзы-цюань – боевым искусством, которому обучали воинов, готовя их к битве. Упражнения не требовали большого пространства. Каждое имело особое значение и свое название. Трейси встала и начала с самых первых движений. Сначала последовала серия выпадов, называвшихся «удары демонам», затем – более медленные движения «собираение света». В каждом таком жесте ощущались плавность и изящество, и каждый шел от самого таньен – физического центра тела и замыкал круг. В ушах Трейси вновь зазвучал голос наставника: «Освободи свою жизненную энергию «ци»; она начинает вздыматься тяжело, как гора, но затем воспаряет, словно птичье перышко». Почувствовав, как «ци» заструилась по пальцам, Трейси сконцентрировала все свое существо на вечных, не подвластных времени упражнениях.

«Ухвати птицу за хвост, стань белым аистом, оттолкни от себя обезьяну, взгляни тигру в глаза, пусть твои руки превратятся в облака и охватят житнетворящую влагу. Выпусти белую змею и заставь ее ползти и забраться на тигра. Убей тигра, сосредоточь всю «ци» и возвращайся в центр таньен».

Полный цикл занял целый час, и, когда он подошел к концу, Трейси почувствовала себя обессиленной. Она повторяла ритуал каждое утро и под вечер. И наконец тело начало слушаться ее и крепнуть.

Когда Трейси не тренировала тело, она тренировала ум. Лежала в темноте, делала сложные математические расчеты, мысленно управляла банковским компьютером, читала стихи, вспоминала роли, которые играла в студенческом театре. Трейси отличалась большой старательностью: если в школе ей поручали роли, где приходилось говорить с акцентом, она, прежде чем выйти на сцену, неделями досконально изучала этот акцент. Как-то ей даже предложили сняться в кинопробе в Голливуде. «Нет, спасибо, – ответила Трейси. – Свет рампы не для меня».

Она снова услышала голос Чарльза: «Ты на первой странице филадельфийского выпуска “Дейли ньюс”». И постаралась выкинуть из головы память о нем. Некоторые запоры в голове следовало держать наглухо закрытыми.

Трейси начала играть в школьную игру: нужно было назвать три создания и три вещи, которым эти создания совершенно невозможно научить:

муравья – разнице между католицизмом и протестантизмом;
пчелу – что Земля вращается вокруг Солнца;
кошку – отличию коммунизма от демократии.

Но главным образом она думала о том, как уничтожит своих врагов – одного за другим. Трейси помнила игру, в которую играла еще в детстве. Надо было поднять руку и, устроив ладонью «затмение Солнца», снять его с неба. Именно это сделали с ней самой – подняли руку и выкинули из жизни.

Трейси понятия не имела, сколько заключенных до нее сломали в морилровке, но это не интересовало ее.

На седьмой день дверь в камеру внезапно открылась, и Трейси ослепил поток хлынувшего внутрь света.

– Встать! – приказал охранник. – Марш обратно наверх!

Он хотел подать ей руку, но, к его удивлению, заключенная легко поднялась и вышла из одиночки без посторонней помощи. Другие, как он помнил, здесь либо ломались, либо ожесточались. А эта нет. В ней чувствовались достоинство и уверенность в себе, так не соответствующие этому месту. Трейси немного постояла, позволяя глазам привыкнуть к свету. «Хороша милашка, – подумал охранник. – Отмыть и можно вести куда угодно. Чуть-чуть ей здесь пособить, и она будет готова на все». А вслух сказал:

– Такой симпатичной девушке негоже попадать в такое дурное место. Давай подружиться, и я прослежу, чтобы этого больше никогда не случилось.

Трейси повернулась к охраннику. Он увидел выражение ее глаз и решил не продолжать. Отвел наверх и сдал надзирательнице.

– Ну от тебя и несет! – фыркнула та. – Ступай под душ. А эти тряпки мы сожжем.

Холодный душ показался Трейси настоящим блаженством. Она вымыла волосы с шампунем и отскребла себя грубым мылом с головы до пят. Когда она вытерлась и надела сменную одежду, надзирательница объявила:

– Иди, с тобой хочет поговорить начальник тюрьмы.

В прошлый раз Трейси решила, что эти слова означают свободу. Сейчас она уже не была так наивна.

Когда Трейси вошла в кабинет начальника тюрьмы Брэннигана, тот стоял у окна. Он повернулся и предложил:

– Пожалуйста, присаживайтесь.

Трейси опустилась на стул.

– Я уезжал на конференцию в Вашингтон, вернулся сегодня утром и прочитал рапорт о том, что случилось. Вас не следовало помещать в одиночку. – Брэнниган смотрел в лицо заключенной, но на нем не отражалось никаких чувств. Он заглянул в лежащие на столе бумаги. – Согласно донесению, вы подверглись сексуальному насилию.

– Нет, сэр.

Брэнниган понимающе кивнул.

– Ваши страхи не удивляют меня. Но я не допущу, чтобы тюрьмой управляли заключенные. Я накажу виновных, но для этого нужно ваше заявление. Обещаю взять вас под защиту. А теперь расскажите, что произошло и кто виноват.

Трейси посмотрела ему прямо в глаза.

– Я упала с кровати.

Начальник тюрьмы долго изучал ее, и она почувствовала, как он растерян.

– Вы абсолютно уверены?

– Да, сэр.

– И не измените мнения?

– Нет, сэр.

Начальник тюрьмы Брэнниган вздохнул:

– Ну, хорошо. Если таков ваш выбор... Я переведу вас в другую камеру.

– Я не желаю, чтобы меня переводили.

Брэнниган удивленно посмотрел на нее:

– Хотите вернуться в старую?

– Да, сэр.

Он был озадачен. Неужели чего-то не рассмотрел в этой женщине? Неужели она сама навлекла на себя все, что с ней произошло? Один Бог поймет, что думают и творят эти долбаные арестантки! Как бы он хотел, чтобы его перевели в какую-нибудь нормальную миленькую мужскую тюрьму. Но его жене и маленькой дочери Эми здесь нравилось. Они жили в очаровательном коттедже, и вокруг тюремных угодий раскинулись очень красивые места. Они жили почти как в деревне, но самому Брэннигану двадцать четыре часа в сутки приходилось разбираться с этими сумасшедшими чертовками.

– Ладно, – смущенно произнес он, – только впредь постарайтесь не попадать в неприятности.

– Хорошо, сэр.

Возвращение в камеру стало самым трудным поступком в жизни Трейси. Стоило переступить порог, и она ощутила весь ужас того, что здесь произошло. Сокамерницы были на работе. Трейси легла на кровать и, уставившись в потолок, начала планировать. Потом полезла под койку, после недолгих поисков обнаружила металлическую чушку и положила себе под матрас. Когда в одиннадцать часов прозвенел сигнал на обед, она первой вышла в коридор.

Паулита и Лола сидели за столиком рядом со входом. Эрнестины Литтлчеп нигде не было видно.

Трейси села с незнакомками и проглотила все до единого куски безвкусной еды. Середину дня она провела одна. А без четверти три вернулись ее сокамерницы.

При виде Трейси Паулита удивленно осклабилась:

– Выходит, киска, тебе понравилось, что мы с тобой сделали?

– Ну и ладно, сделаем еще, – добавила Лола.

Трейси и ухом не повела – ее не трогали их насмешки. Ее интересовала чернокожая Эрнестина. Именно из-за нее она вернулась в эту камеру. Она ни на йоту не доверяла Эрнестине. Но та была ей нужна.

«Я дам тебе наконку, querida: всем этим местом управляет Эрнестина Литтлчеп».

В тот вечер, когда прозвенел пятнадцатиминутный предупреждающий сигнал к отбою, Трейси встала с кровати и начала раздеваться. Теперь ей было не до ложной скромности. Она стянула с себя одежду, и мексиканка даже присвистнула – настолько ее поразили полные, крепкие груди, длинные, стройные ноги и белые бедра Трейси. Лола тяжело дышала. Трейси надела ночную рубашку и снова легла на койку. Свет выключили. Камера погрузилась в темноту.

Прошло тридцать минут. Трейси лежала во мраке и прислушивалась к дыханию своих сокамерниц.

По другую сторону от нее Паулита прошептала:

– Сегодня мамочка будет любить тебя по-настоящему. Сними рубашку.

– Мы покажем тебе, как надо ласкать киску, и ты будешь заниматься этим делом, пока как следует не научишься, – хихикнула Лола.

Однако чернокожая не произнесла ни слова. Трейси почувствовала колебание воздуха – это приближались Лола и Паулита. Но она была готова. Достала из-под матраса припрятанную

чушку, размахнулась и что было сил ударила одну из женщин по лицу. Раздался крик боли. Трейси нанесла удар другой и увидела, как та свалилась на пол.

– Только еще раз подойдите, и я убью вас!

– Сука!

Трейси поняла, что они снова готовились напасть на нее, и подняла чурку. Но в это время из темноты раздался голос Эрнестины:

– Довольно! Оставьте ее в покое!

– Эрни, она мне разбила до крови лицо. Надо проучить ее!

– Делайте, черт возьми, что я говорю!

Последовала долгая пауза. Трейси слышала, как две ее противницы, тяжело дыша, отступали к своим кроватям. Она лежала напряженная, готовая отбить новое нападение.

– А ты с характером, детка, – заметила чернокожая. Трейси промолчала. – Не наядбедничала начальнику тюрьмы, – хмыкнула в темноте Эрнестина. – Иначе мы бы из тебя душу вытрясли. – Трейси не сомневалась. – Слушай, а почему ты не согласилась, чтобы тебя перевели в другую камеру?

Стало быть, она знала и об этом.

– Хотела вернуться сюда.

– Зачем? – В голосе Эрнестины Литглчеп прозвучало удивление.

Вот тот момент, которого ждала Трейси.

– Чтобы ты помогла мне бежать.

8

Надзирательница подошла к Трейси и объявила:

– К тебе посетитель, Уитни.

Трейси изумленно подняла на нее глаза.

– Посетитель? – Кто бы это мог быть? И вдруг поняла – Чарлз! Все-таки приехал. Но слишком поздно. Его не было рядом, когда она так сильно нуждалась в нем. А теперь он ей не нужен. Ни он и никто другой.

Трейси последовала за надзирательницей в комнату для свиданий.

Переступила порог.

Там за маленьким деревянным столиком сидел незнакомец. Таких несимпатичных мужчин Трейси, пожалуй, не видела. Обрюзгший, похожий на гермафродита, коротышка с длинным приплюснутым носом и маленьким злобным ртом. У него был высокий, выпуклый лоб и пронзительные карие глаза за толстыми линзами. При появлении Трейси незнакомец не поднялся.

– Меня зовут Дэниел Купер, – проговорил он. – Начальник тюрьмы позволил мне поговорить с вами.

– О чем? – подозрительно спросила Трейси.

– Я занимаюсь расследованием по поручению МАЗС – Международной ассоциации защиты страховщиков. Один из наших клиентов застраховал Ренуара, украденного у мистера Джозефа Романо.

Трейси глубоко вздохнула.

– Ничем не могу вам помочь. Я его не крала. – И повернулась к двери.

Но следующая фраза Купера задержала ее.

– Я знаю, – бросил он.

Трейси настороженно обернулась – все ее чувства были напряжены.

– Его никто не крал. Вас подставили, мисс Уитни.

Трейси медленно опустилась на стул.

Дэниел Купер начал заниматься этим делом три недели назад, когда в штаб-квартире МАЗС на Манхэттене его вы звал в кабинет Джей-Джей Рейнолдс, его начальник.

– Дэн, у меня для тебя задание, – начал он.

Дэниел Купер терпеть не мог, когда его называли Дэном.

– Буду краток. – Рейнолдс не хотел распространяться, потому что Купер нервировал его. По правде сказать, тот раздражал многих в их конторе. Станный мужик – с причудой, так почти все о нем говорили. Дэниел Купер держался особняком. Никто не знал, где он живет, женат ли, есть ли у него дети. Он ни с кем не общался и никогда не приходил на корпоративные сборища и вечеринки. Был одиночкой, и Рейнолдс терпел его только потому, что Купер был настоящим гением. Бульдогом с компьютером вместо мозгов. Он один вернул больше похищенных ценностей и раскрыл больше махинаций, чем все остальные следователи их фирмы. Рейнолдс никак не мог понять этого чертова Купера. Одно то, что тот сидел перед ним, уставившись на него темными глазами фанатика, выводило Рейнолдса из равновесия. Он приступил к делу: – Один из клиентов нашей конторы застраховал картину на полмиллиона долларов и...

– Ренуара. Новоорлеанец. Джо Романо. Женщину по имени Трейси Уитни осудили на пятнадцать лет. Полотно так и не нашли.

«Сукин сын! – подумал Рейнолдс. – Если бы это был кто-нибудь другой, то я решил бы, что он выпендривается». А вслух пробормотал:

– Совершенно верно. Эта Уитни где-то припрятала Ренуара. Картину надо отыскать. Приступай к делу.

Купер повернулся и, не говоря ни слова, вышел из кабинета. Рейнолдс смотрел ему вслед и в который раз думал: «Настанет час, и я все-таки выясню, что в голове у этого мерзавца».

Купер миновал зал, где бок о бок трудились пятьдесят его коллег: программировали компьютеры, печатали отчеты и отвечали на телефонные звонки. Это был настоящий бедлам. Один из сотрудников бросил ему:

– Слышал, тебе поручили дело Романо. Повезло... Новый Орлеан – это...

Купер прошел, не ответив. Почему его никак не оставят в покое? Только это ему и нужно от них, но к нему продолжают назойливо приставать с настырными предложениями:

– Не хочешь поужинать с нами в пятницу, Дэн?..

– Слушай, Дэн, если ты не женат, мы с Сарой знаем симпатичную девчонку...

Неужели они не понимают, что его раздражает их навязчивость, что он ни в ком из них не нуждается?

– Мы только выпьем и все...

Но Дэниела Купера было не провести: он понимал, что за невинной выпивкой последует ужин, завяжется дружба, последуют откровения, а это слишком опасно.

Дэниел Купер жил в смертельном страхе, что кто-нибудь в конце концов разузнает о его прошлом. Полагаться на то, что «мертвое прошлое надежно схоронило своих мертвецов», нельзя. Они вовсе не погребены. Бульварные листки то и дело вытаскивают на свет божий очередной старый скандал. В таких случаях Дэниел Купер пропадал на несколько дней. Только в такие периоды он напивался.

Если бы Дэниел Купер решился поведать о своих чувствах, то на полную катушку обеспечил бы работой психиатра, но он не смел и пикнуть о прошлом. Единственным материальным свидетельством того, что Купер хранил в памяти тот страшный день, была выцветшая, пожелтевшая газетная вырезка, которую он надежно спрятал у себя в комнате. Время от времени, словно наказывая себя, он перечитывал ее, но каждое слово текста и без того огненными буквами отпечталось в его мозгу.

Купер принимал ванну или душ не меньше трех раз в день, однако никогда не чувствовал себя чистым. Твердо верил в ад и адское пламя и считал, что у него есть лишь одно спасение – искупление и расплата на земле. Купер попытался вступить в нью-йоркскую полицию, но не прошел по физическим данным: был на четыре дюйма ниже положенного роста. И тогда стал частным сыщиком. Он видел в себе охотника, преследующего тех, кто нарушает закон. Месть Господня, орудие Его гнева, который обрушивался на головы неправедных. Только так он мог искупить прошлое и подготовить душу к вечности.

Сейчас Купер подсчитывал, хватит ли ему времени, чтобы принять душ и не опоздать на самолет.

Новый Орлеан стал первой остановкой Дэниела Купера. Он провел в городе пять дней, после чего знал все, что ему нужно, о Джо Романо, Энтони Орсатти, Перри Поупе и судье Генри Лоуренсе. Купер прочитал стенограмму судебного слушания по делу Трейси Уитни и ее приговор. Переговорил с лейтенантом Миллером и выяснил обстоятельства самоубийства матери Трейси. Встретился с Отто Шмидтом, и тот рассказал ему, как надули компанию Уитни. Во время встреч Купер не делал никаких записей, но мог бы дословно воспроизвести любую беседу. Он был на девяносто девять процентов уверен, что Трейси Уитни – не преступница, а невинная жертва, но и один процент считал недопустимой погрешностью. Купер вылетел в Филадельфию и встретился с Кларенсом Десмондом – вице-президентом банка, где работала Трейси Уитни. А Чарлз Стенхоуп-третий говорить с ним отказался.

И вот теперь Купер рассматривал сидевшую напротив него женщину, уже на сто процентов уверенный в том, что она не имела отношения к краже картины. Он был готов писать доклад.

– Романо подставил вас, мисс Уитни. Рано или поздно он объявил бы о краже полотна. Вы просто подвернулись ему в нужный момент и стали легкой добычей.

У Трейси участился пульс. Этот человек знал, что она невиновна. И вероятно, собрал против Романо достаточно улик, чтобы ее оправдали. Он поговорит с начальником тюрьмы, и тот вытащит ее из этого кошмара. Внезапно Трейси стало трудно дышать.

– Так вы поможете мне?

– Помочь вам? – удивился Дэниел Купер.

– Ну да... добьетесь помилования или еще как-нибудь...

– Нет.

Слово хлестнуло, будто пощечина.

– Нет? Но почему? Вы же уверены, что я невиновна...

Почему все люди так глупы?

– Мое задание завершено.

Вернувшись в свой номер в гостинице, Купер сразу разделся и встал под душ. Он тер себя с головы до ног и почти полчаса орошал тело горячими как кипяток струями. Потом, вытершись и одевшись, сел писать рапорт.

Кому: Рейнолдсу Джей-Джей. Файл Y-72-830-412. От: Дэниела Купера.

Предмет: Deux Dammes dans le Cafe Rouge¹⁴, Ренуар, масло, холст.

По моему убеждению, Трейси Уитни никоим образом не замешана в краже картины. Убежден, Джо Романо застраховал полотно с тем, чтобы обманным путем получить страховую премию и перепродать картину частному лицу. Таким образом, в настоящее время картина, по всей вероятности, находится за пределами страны. Поскольку полотно хорошо известно, оно скорее всего окажется в Швейцарии, где закон защищает добросовестно совершенные сделки. Если покупатель утверждает, что он законно приобрел произведение искусства, швейцарское правительство позволяет владеть им, даже если известно, что оно краденое.

Рекомендации: поскольку нет конкретных доказательств вины Романо, нашему клиенту следует выплатить страховую премию. Далее – нет смысла преследовать Трейси Уитни и требовать возвращения полотна или возмещения убытков, поскольку о полотне ей ничего не известно, и я не обнаружил у нее каких-либо существенных средств. К тому же в течение пятнадцати лет она будет находиться в заключении в женском исправительном заведении Южной Луизианы.

Дэниел Купер прервался и на мгновение вспомнил Трейси Уитни. Наверняка найдутся такие мужчины, которые сочтут ее красивой. Он без особого интереса подумал о том, как изменят ее пятнадцать лет заключения. Но к нему это не имело ни малейшего отношения.

Подписав документ, Купер прикинул, хватит ли времени еще раз принять душ.

---

¹⁴ Две женщины в красном кафе (фр.).

9

Старушка Железные Порты определила Трейси Уитни в прачечную. Из тридцати пяти производственных заданий, которые давали заключенным, прачечная была самым тяжелым. В огромное жаркое помещение, заставленное рядами стиральных машин и гладильных досок, шел бесконечный поток белья. Наполнять и опорожнять стиральные машины и таскать тяжелые корзины было для гладильщиц механической, но изнурительной работой.

Приступали они к ней в шесть утра. Каждые два часа за ключенным полагался двухминутный перерыв. К концу девятичасового рабочего дня большинство женщин валились с ног от усталости. Трейси делала все автоматически и, погруженная в свои мысли, ни с кем не разговаривала.

Узнав, куда направили Трейси, Эрнестина Литтлчеп заметила:

– Старушка Железные Порты тебя достанет.

– Она меня не волнует, – ответила Трейси.

Чернокожая пришла в недоумение – эта женщина совсем не походила на ту напуганную девушку, которую три недели назад привели в тюрьму. Что-то в ней изменилось, но Эрнестина не понимала, что именно. На восьмой день работы в прачечной к Трейси подошел охранник и сообщил:

– Тебя перевели. Ты назначена на кухню.

Это была самая завидная работа в тюрьме.

В исправительном заведении существовало два стандарта пищи: заключенные ели рублевое мясо, хот-доги, фасоль и несъедобные запеканки, а охранникам и тюремным начальникам готовили профессиональные повара. Их меню включало стейки, свежую рыбу, отбивные, цыплят, свежие овощи, фрукты и аппетитные десерты. Работавшие на кухне осужденные имели доступ ко второй категории блюд и во всю пользовались им.

Когда Трейси явилась на кухню, она ничуть не удивилась, увидев там Эрнестину Литтлчеп. Трейси подошла к ней и, сделав над собой усилие, дружески сказала:

– Спасибо. – Чернокожая хмыкнула, но ничего не ответила. – Как тебе удалось отмазать меня от Старушки Железные Порты?

– Ее больше нет с нами.

– И что же с ней случилось?

– У нас тут своя система: если кто-то из охранников начинает не в меру давить, приходится избавляться от них.

– То есть начальник тюрьмы прислушивается к...

– Скажешь тоже... При чем здесь начальник тюрьмы?

– Но как же тогда?..

– Очень просто. Когда охранница, от которой надо избавиться, заступает на дежурство, начинаются всякие пакости. Заключенная доносит, что она хватала ее за киску, на другой день другая заключенная обвиняет в жестокости. Кто-то жалуется, что из камеры пропала вещь, ну, скажем, радио. И будь уверена, оно обнаружится в комнате Железных Портов. Железные Порты убрали. Не надзиратели управляют нашей тюрьмой – мы управляем ею.

– Ты-то здесь за что? – спросила Трейси. Ответ не интересовал ее, но она старалась установить с чернокожей дружеские отношения.

– Будь уверена, не по вине Эрнестины. На меня работала целая куча девушек.

Трейси подняла на нее глаза.

– В качестве?.. – Она колебалась.

– Хочешь спросить – проституток? – рассмеялась чернокожая. – Ничего подобного. Они служили горничными в больших домах. Я открыла что-то вроде агентства по найму. У меня

было не меньше двадцати девушек. Богачам не так просто подыскать себе горничных. Я давала много-много броских объявлений в лучших газетах и, когда мне звонили, определяла туда своих барышень. Они изучали дом и, когда хозяева уходили на работу или уезжали из города, тырили серебро, камешки, меха, все ценное – и смывались. – Эрнестина вздохнула. – Не поверишь, сколько у нас собралось не облагаемой налогами прибыли!

– И как же тебя все-таки сцапали?

– Перст судьбы переменчив, дорогуша. Одна из моих горничных подавала на обеде у мэра, где присутствовала старая леди, у которой она успела поработать и обчистить ее. Полиция прижала бедолагу – та запела и пропела целую оперу. И вот несчастная Эрнестина здесь.

Они вдвоем стояли у плиты.

– Мне нельзя здесь находиться, – прошептала Трейси. – Надо кое о чем позаботиться на воле.

– Начинай-ка резать лук, – ответила Эрнестина. – У нас сегодня на ужин ирландское рагу.

Она повернулась и ушла.

Система тайного оповещения в тюрьме работала безотказно. Заключенные знали, что должно произойти, задолго до того, как это происходило. Те, кого звали мусорными крысами, подбирали разорванные записки, подслушивали телефонные разговоры и читали почту начальника тюрьмы, потом тщательно переваривали информацию и передавали важным осужденным. Эрнестина Литгльчеп стояла во главе списка. Трейси замечала, как считались с ней заключенные и охрана. И поскольку все решили, что Эрнестина взяла Трейси под опеку, ту оставили в покое. Трейси настороженно ждала, что Эрнестина заявит на нее свои права, однако черная гигантша сохраняла дистанцию. «Почему?» – недоумевала Трейси.

* * *

Правило номер семь из десятистраничной официальной тюремной памятки нового заключенного гласило: «Все формы секса строжайше запрещены. В камере могут находиться не более четырех заключенных, и на одной кровати не более одного заключенного».

Действительность настолько отличалась от текста, что памятка воспринималась как сборник тюремных анекдотов. Проходили недели, и Трейси видела, как в тюрьме появлялись новые осужденные – салаги, – модель каждый раз была одинакова. На них, робких и напуганных, набрасывались ражие лесбы, не оставляя сексуально нормальным новеньким ни единого шанса. Драма разворачивалась по однажды установленным канонам. В незнакомом враждебном мире лесба вела себя сочувствующе-дружески. Приглашала жертву в комнату отдыха посмотреть вместе телевизор и брала за руку, а новенькая, боясь обидеть единственную подругу, руку не отдергивала. Вместе с тем новенькая замечала, что все остальные заключенные не смотрели в ее сторону, и ее зависимость от лесбы (в том числе и интимная) возрастала. В конце концов новенькая соглашалась на все, только бы сохранить дружбу.

А тех, кто не желал подчиниться, насиловали. Девяносто процентов новеньких в течение первого месяца вольно или невольно вовлекались в лесбийские связи. Трейси пришла в ужас.

– Почему администрация это позволяет? – спросила она у Эрнестины.

– Такова система, – объяснила чернокожая. – В каждой тюрьме одно и то же. Нельзя отнять у двенадцати тысяч баб мужиков и ждать, что они не станут как-нибудь трахаться. Мы насилуем не только ради секса. Мы насилуем ради власти, чтобы показать, кто здесь главный. У новеньких нет ни единого шанса – их может дрючить любой. Разве что новенькая станет женой важной персоны – вот тогда ее никто не решится тронуть. – Трейси понимала, что слушает знающего человека. – Речь не только о заключенных, – продолжала Эрнестина. – Надзирательницы – они тоже те еще стервы. Представь, является свежатиная, которая сидела на «колесах».

Ее бьет, ей надо срочно принять дозу. Она потеет, ее вот-вот разорвет на части. А надзирательница достает ей героин, но взамен требует небольшую услугу. Понимаешь? Мужики-охранники еще хуже. У них есть ключи от камер, и им всего-то надо за явиться ночью и навалиться на свободную киску.

– Это ужасно!

– Это выживание. – Свет от лампы под потолком камеры отражался на бритом черепе Эрнестины. – Знаешь, почему в тюрьме не разрешается жевательная резинка?

– Нет.

– Потому что девочки забивают ею замки, чтобы не сидеть все время взаперти и по ночам навещать друг друга. Мы подчиняемся только тем правилам, которым хотим подчиниться. Те, кто здесь выживает, могут показаться туповатыми, но они туповаты по-хитрому.

В тюрьме процветали любовные связи, и протокол отношений пар здесь соблюдался жестче, чем на свободе. В неестественном мире были придуманы и искусственно разыгрывались роли партнера-мужчины и партнера-женщины. Поскольку здесь не было мужчин, их партии играли так называемые жеребилы. Менялись даже имена: Эрнестины стала Эрни, Тесси – Тексом, Барбара – Бобом, Кэтрин – Келли. Жеребила коротко стригла волосы или даже брилась наголо и не выполняла никакой женской работы. Зато лесба, его жена, чистила и чинила его одежду, стирала и гладила. Лола и Паулита неистово боролись за внимание Эрнестины, и каждая старалась выжить другую.

Ревность была настолько острой, что часто приводила к насилию – если «женщина» заглядывалась на другого «мужчину» или заговаривала с ним в тюремном дворе, неминуемо разгорались страсти. В тюрьме постоянно циркулировали любовные послания, доставляемые «мусорными крысами».

Письма представляли собой маленькие свернутые в треугольник бумажки, которые называли «самолетиками». Они были такими миниатюрными, что их без труда прятали в бюстгалтере или в обуви. Трейси замечала, как женщины передавали письма в толпе у входа в столовую или по дороге на работу.

Иногда Трейси наблюдала, как заключенные влюблялись в охранников. Эта любовь рождалась от отчаяния, безнадежности и чувства зависимости. Осужденные во всем зависели от охраны: охрана определяла, что им есть, как жить, а порой – жить ли вообще. Сама Трейси не позволяла себе никаких эмоций.

Секс продолжался денно и нощно: в душевых, в туалетах, в камерах, а по ночам – оральный сквозь решетки. Принадлежавшей охраннику женщине ночью позволялось покидать камеру и являться в караулку.

После того как гасили свет, Трейси, лежавшая на кровати, затыкала уши, чтобы отгородиться от творившегося вокруг.

Как-то ночью Эрнестины вытащила из-под кровати коробку «Криспикса»¹⁵ и стала швырять в коридор. Было слышно, что другие стали делать то же самое.

– Что происходит? – спросила Трейси.

– Не твоё дело! – грубо оборвала ее чернокожая. – Лежи на своей долбаной койке и не рыпайся!

Через несколько минут из камеры неподалеку, куда поместили новенькую, раздался испуганный крик:

– О Господи! Не надо! Отпустите!

Трейси поняла, что происходило, и ощутила дурноту. Крики продолжались, пока не перешли в беспомощные, мучительные стоны. Пылая от ярости, Трейси крепко за жмурилась.

---

¹⁵ Сухой завтрак фирмы «Келлог» – двойные подушечки из риса и кукурузы с витаминными добавками.

Неужели женщины способны так обращаться друг с другом? И хоть она считала, что тюрьма ожесточила ее, но проснулась наутро со следами слез. Ей не хотелось проявлять свои чувства при Эрнестине, и она как бы между прочим спросила:

– А «Криспикс»-то зачем?

– Система оповещения, – ответила чернокожая. – Если охранники сунутся, мы сразу услышим.

Вскоре Трейси поняла, почему говорили не «сесть в тюрьму», а «сходить в колледж». Заключение давало немалое образование, но оно ничуть не походило на общепринятое.

Тюрьма была набита специалистками по любым типам преступлений. Они обменивались опытом, как лучше смошенничать, стянуть что-либо в магазине, объегорить пьяного. Посвящали друг друга в тонкости шантажа и делились последними сведениями о стукачах и подсадках.

А однажды во время прогулки во дворе Трейси заметила, как пожилая заключенная, собрав вокруг себя целый семинар молодежи, жадно впитывающей науку, объясняла, как следует чистить карманы:

– Самые лучшие профи приезжают из Колумбии. Там у них в Боготе есть школа под названием «Десять колокольчиков». За обучение берут две с половиной тысячи баксов. К потолку подвешивают манекен, на нем костюм с десятью карманами, и в каждом полно денег и драгоценностей.

– И в чем же тут фенечка?

– Фенечка в том, что в каждом кармане лежит колокольчик. Ни одного человека не выпустят из школы, пока он не обчистит все десять карманов так, чтобы ни один колокольчик не звякнул.

– У меня был знакомый парень, – вздохнула Лола, – так вот он, одетый в пальто, забирается в толпу, обе руки на виду и при том тырил все подряд, как скаженный.

– Как ему это удавалось?

– Сделал себе бутафорскую правую руку. А настоящую просовывал в прорезь в пальто и снимал из карманов кошельки и бумажники.

Образование продолжалось в комнате отдыха.

– А мне нравилось чистить камеры хранения, – вспоминала выдавшие виды ветеранша. – Бывало, болтаешься по вокзалу, пока не увидишь, как какая-нибудь старушенция пытается загрузить в ячейку тяжеленный чемодан и еще коробку. Ну, натурально, помогаешь ей, а потом отдаешь ключ, только ключ-то этот не от ее ячейки, а от пустой. Старушка уходит, ты забираешь ее вещички и сматываешься.

На следующий день две осужденные за проституцию и хранение кокаина заключенные поучали новенькую – симпатичную, лет семнадцати, девчущку.

– Неудивительно, что ты вляпалась, – говорила одна из ветеранш. – Прежде чем называть хмырю свою цену, надо сначала его пощупать – нет ли на нем оружия. И никогда не говори, что ты от него хочешь. Пусть он сам скажет, что он хочет от тебя. Тогда, если парнишка окажется копом, это будет считаться провокацией. Ясно?

– И еще обращай внимание на руки, – добавила другая профи. – Если клиент утверждает, что он из рабочих, у него должны быть грубые руки. Это тебе предупреждение. Многие копы рядятся в рабочую одежду, но забывают о том, что у них на ладонях мозолей нет.

Время текло ни быстро, ни медленно. Это было просто время. Трейси вспомнила афоризм святого Августина: «Что есть время? Я это знаю, доколе меня не спрашивают. Но как только просят объяснить, теряю всякое представление».

День заключенных был всегда одинаков:

4.40 – предупреждающий звонок;
4.45 – подъем, одевание;
5.00 – завтрак;
5.30 – возвращение в камеру;
5.55 – предупредительный звонок;
6.00 – построение на работу;
10.00 – физкультурный двор;
10.30 – обед;
11.00 – построение на работу;
15.30 – ужин;
16.00 – возвращение в камеру;
17.00 – комната отдыха;
18.00 – возвращение в камеру;
20.45 – предупредительный звонок;
21.00 – отбой, выключение света.

Правила никогда не менялись. Все заключенные были обязаны являться в столовую, разговоры в строю не допускались. В маленьких ящичках в камерах разрешалось хранить не более пяти единиц косметики. Кровати надлежало заправлять перед завтраком и в течение дня содержать в порядке.

В тюрьме звучала собственная музыка: бряканье звонков, шарканье ног по цементу, хлопанье дверей, дневной шепот и ночные крики, потрескивание раций охраны и стук подносов в столовой. И везде колючая проволока, высокие стены, одиночество, отрешенность от мира и давящая атмосфера ненависти.

Трейси стала образцовой заключенной. Ее тело автоматически реагировало на тюремную рутину: решетка ее камеры в положенное время открывалась и закрывалась к отбою, звонок оповещал о том, что пора на работу, и тот же звонок сообщал, что рабочий день кончен.

Тело Трейси было телом заключенной, но ум оставался свободным и строил планы побега.

Осужденным не разрешалось звонить на свободу, но сами они могли ежемесячно принимать два звонка по пять минут. Трейси позвонил Отто Шмидт.

– Думаю, вам будет приятно узнать. Похороны были вполне пристойными. Я оплатил счета.

– Спасибо, Отто. Я... вам очень благодарна. – Говорить было не о чем.

Больше Трейси никто не звонил.

– Тебе, подруга, лучше позабыть о внешнем мире, – сказала ей Эрнестина. – Там у тебя никого не осталось.

«Ошибаешься», – мрачно думала Трейси.

Джо Романо.

Перри Поуп.

Судья Генри Лоуренс.

Энтони Орсатти.

Чарлз Стенхоуп-третий.

Трейси снова встретила Большую БERTу на физкультурном дворе. С одной стороны двор ограничивала внешняя тюремная стена, с другой стороны – стена внутренняя. Заключенные каждое утро проводили там по тридцать минут. Это было одно из немногих мест, где не запрещались разговоры, и женщины, собираясь группами, делились перед обедом последними ново-

стями и слухами. Когда Трейси впервые попала во двор, у нее возникло внезапное ощущение свободы, но в следующую минуту она поняла: это от того, что она оказалась на свежем воздухе. Высоко над головой светило солнце, плыли кучевые облака, и где-то далеко в небе парил самолет.

– Эй, ты! Я искала тебя, – раздался чей-то голос.

Трейси обернулась и увидела огромную шведку, с которой столкнулась в первый свой день в тюрьме.

– Слышала, завела себе черную лесбу. – Трейси хотела пройти мимо, но Большая Берта железной хваткой стиснула ее запястье. – От меня так просто не уходят, – выдохнула она. – Будь паинькой, littbarn. – Берта грузным телом придавила Трейси к стене.

– Отвяжись!

– Надо тебя как следует полизать. Понимаешь, о чем я? Будешь вся моя, älskade.

– Убери от нее свои грязные лапы, жопа! – прозвучал знакомый голос. Позади стояла Эрнестина Литтл чеп. Она сверкала глазами и сжимала большие кулаки, солнце сияло на ее выбритом наголо черепе.

– Ты для нее недостаточно мужик, Эрни!

– Зато я достаточно мужик для тебя! – взорвалась чернокожая. – Еще раз сунешься к ней, жеребила, и я надеру тебе задницу!

Внезапно воздух наполнился электричеством: амазонки с неприкрытой ненавистью сверлили друг друга глазами. «Они готовы из-за меня убить друг друга», – подумала Трейси. Но сразу поняла, что к ней это не имеет никакого отношения. Вспомнила, что однажды сказала ей Эрнестина: «В этом месте надо драться когтями и зубами, иначе крышка. Нельзя, чтобы тебя поливали грязью, а то ты труп!»

Первой спасовала Большая Берта. Презрительно посмотрев на Эрнестину, она бросила:

– Я не спешу. – И процедила Трейси: – Ты здесь надолго, малышка. И я тоже. Увидимся. – Повернулась и пошла прочь.

Чернокожая посмотрела ей вслед.

– Дрянная маманька. Та самая сестра из Чикаго, которая угробила своих больных. Нашпиговала цианидом и смотрела, как они погибают. И этот ангел милосердия запал на тебя, Уитни. Поганое дело. Тебе никак не обойтись без защитника. Она от тебя не отстанет.

– Поможешь мне бежать?

Зазвенел звонок.

– Пошли пожужим, – предложила Эрнестина.

В ту ночь Трейси лежала на кровати без сна и думала об этой женщине.

Хотя Эрнестина больше не пыталась касаться ее, Трейси не верила ей. Она не могла забыть, что эта самая Эрнестина со своими товарками с ней сделала. Но чернокожая была нужна Трейси.

Каждый день после завтрака заключенным разрешалось провести час в комнате отдыха, где они смотрели телевизор, разговаривали, читали свежие газеты и журналы. Трейси листала какой-то журнал, когда в глаза ей бросилась фотография – свадебный снимок Чарльза Стенхупа-третьего: под руку с молодой женой он выходил из церкви; оба смеялись. Трейси словно обухом по голове ударили. Глядя на его счастливую улыбку, она испытала боль, которая сменилась холодной яростью. Трейси хотела связать с этим человеком жизнь, а он отвернулся от нее, позволил расправиться с ней, убить ее ребенка. Но это случилось в другом месте, в другое время – в другом мире. То была фантазия. А ныне – реальность.

Трейси захлопнула журнал.

В дни посещений можно было легко догадаться, к кому из заключенных приходили друзья или родственники. Заключенные принимали душ, надевали чистую одежду, подкрашивались. Эрнестина всегда приходила после свиданий улыбающаяся и радостная.

– Мой Эл, – объяснила она Трейси. – Ждет, когда я выйду отсюда. И знаешь почему? Потому что ни одна женщина не даст ему то, что я.

Трейси смутилась.

– В сексуальном плане?..

– А то... Заруби себе на носу, детка: то, что происходит в этих стенах, не имеет никакого отношения к воле. Иногда нам нужно потрогать теплое тело и чтобы нас потрогали – сказали, что нас любят. Что мы кому-то небезразличны. И черт с ним, что все не по-настоящему и не надолго. Но это все, что у нас есть. А когда я выйду отсюда, – Эрнестина широко улыбнулась, – стану долбаной нимфоманкой.

Что-то в ее поведении озадачило Трейси, и она решилась спросить:

– Эрнестина, почему ты защищаешь меня?

– Ради забавы, – пожала плечами чернокожая.

– Я хочу знать правду. – Трейси замялась. – Твои подруги... они делают... все так, как ты прикажешь.

– Естественно, а то я им куски из жоп повыдираю.

– Но я-то не такая.

– Ты недовольна?

– Просто интересно.

Эрнестина немного подумала.

– Ну, хорошо, – наконец проговорила она. – У тебя есть нечто такое, чего нет у меня. – И, присмотревшись к выражению лица Трейси, добавила: – Не то, что ты подумала. Этого у меня как раз навалом. В тебе есть шик, настоящий шик, как в крутых леди из журналов «Вог» и «Таун энд кантри», где все разодеты и пьют чай с серебряных подносов. Ты из их мира. Не представляю, как ты вляпалась на воле в дерьмо, думаю, тебя кто-то подставил. – Она взглянула на Трейси и почти застенчиво продолжала: – В жизни мне попадалось не так много приличных вещей. Ты одна из них. – Эрнестина отвернулась, и ее слова прозвучали едва различимо: – Извини за ребенка. Мне в самом деле жаль...

В тот вечер, когда погасили свет, Трейси прошептала в темноту:

– Эрни, мне надо отсюда выбраться. Помоги мне, пожалуйста.

Эрнестина стала учить ее тайному языку тюрьмы. Трейси слышала, как во дворе разговаривали женщины:

– Эта коблиха скинула пояс и легла под серую телку. Теперь поостерегись – будем кормить ее с ложки на длинной ручке...

– Она была почти на выданье, но попала на снежке – сцапал твердокаменный коп и потащил к мяснику. Теперь накрылась ее выписка. Ну, пока, на ручки тебе.

Для Трейси все это звучало как полная тарабарщина, словно трепались между собой марсианки.

– О чем это они? – спросила она.

Эрнестина разразилась хохотом.

– Ты что, не понимаешь по-английски, детка? Если лесбиянка скидывает пояс, значит, она превращается из «мужчины» в «женщину». А эта связалась с серой телкой – значит, с белой, вроде тебя. Теперь ей нельзя доверять и следует держаться подальше от нее. Попасться на снежке значит засыпаться на героине. Твердокаменный коп – это тот, который живет по закону и его не подкупишь; он ее застукал и отволок к мяснику, то есть к тюремному врачу.

– А что такое «на выданье» и «на ручки»?

– Вижу, ты совсем не врубаешься. На ручки – это выйти на поруки под честное слово, а выданье – день освобождения.

Трейси понимала, что она не дождется ни того, ни другого.

Стычка между Эрнестиной Литтлчеп и Большой Бертой произошла во дворе на следующий день. Заключенные под наблюдением охраны играли в софтбол. Большая Берта была бэт-тером, а на первой базе стояла Трейси. Скандинавка отбила мяч, бросилась вперед и повалила ее на землю. Сама села сверху, и Трейси почувствовала ее руку между ног.

– Мне никто не смеет сказать «нет», ссыкуха. Сегодня ночью я приду по твою душу и оттрахаю по первое число.

Трейси извивалась, пытаясь освободиться. Внезапно Большая Берта ослабила хватку – сзади стояла Эрнестина Литтлчеп и душила ее.

– Я предупреждала тебя! – Она расцарапала шведке лицо и ткнула ногтями в глаза.

– Ничего не вижу! – завопила Большая Берта и схватила чернокожую за груди. Женщины покатались по земле. К ним бежали охранники. У них ушло не меньше пяти минут, чтобы разнять дерущихся. Обоих отправили в лазарет. Только поздно вечером Эрнестина вернулась в камеру. Лола и Паулита поспешили к ее кровати и принялись утешать.

– Ты в порядке? – прошептала Трейси.

– Чертовски в порядке. – Голос Эрнестины прозвучал приглушенно, и Трейси задумалась, сильно ли покалечена чернокожая. – Вчера я подала на досрочно-условное освобождение. Когда я выйду отсюда, у тебя возникнут большие проблемы. Эта бабища от тебя не отстанет. И не надейся. А натрававшись с тобой, она убьет тебя. – Они молча лежали в темноте. Наконец Эрнестина снова заговорила: – Наверное, пора обсудить, как вытащить тебя из этой дыры.

10

- Завтра ты лишишься гувернантки, – объявил начальник Брэнниган жене.
- Почему? – удивилась Сью Эллен. – Джуди очень хорошо относится к Эми.
- Я знаю, но ее срок окончен. Завтра утром Джуди отпустят на свободу.

Они завтракали в удобном коттедже, который составлял одно из преимуществ работы начальника тюрьмы. Были и другие: шофер, горничная, повариха и гувернантка для их дочери Эми. Все работницы из числа заключенных, заслуживших своим поведением определенные привилегии.

Приехав сюда пять лет назад, Сью Эллен нервничала из-за того, что придется жить на территории исправительного заведения. И еще больше от того, что сознавала: в доме будут прислуживать преступницы.

– Откуда ты знаешь, что они не обокрадут нас и не перережут нам ночью горло? – спрашивала она мужа.

- Пусть только попробуют, – отшучивался тот. – Я подам на них рапорт.

В конце концов Брэнниган уломал жену, но не убедил, однако ее опасения оказались беспочвенными. Заключенные хотели произвести хорошее впечатление и насколько возможно сократить свои сроки, поэтому старались на совесть.

– Я привыкла к тому, что Джуди так хорошо заботится об Эми, – говорила Сью Эллен. Она желала заключенной добра, но не хотела, чтобы та уходила. Как знать, какая попадется новая гувернантка. Вокруг рассказывают столько страшных историй о том, какие ужасные вещи могут сделать незнакомки с детьми.

- Джордж, у тебя есть кто-нибудь на примете на место Джуди?

Начальник тюрьмы много думал об этом. Примерно дюжина заключенных подходили на роль гувернантки их дочери. Но Брэннигану никак не удавалось забыть о Трейси Уитни. Что-то в ее деле сильно тревожило его. Брэнниган пятнадцать лет работал криминалистом и гордился тем, что понимает преступников. Одни из его подопечных были закоренелыми преступницами, другие совершили проступок, движимые страстью или поддавшись влиянию момента. Но Трейси Уитни, по мнению начальника тюрьмы, не подходила ни под одну категорию. Его не удивили ее заявления о невиновности – так вели себя все осужденные. Тревожило другое: люди, которые сговорились отправить Трейси Уитни в тюрьму. Начальника тюрьмы назначила на работу городская комиссия Нового Орлеана во главе с губернатором штата. И хотя Джордж Брэнниган решительно уклонялся от участия в политике, он хорошо знал игроков на политическом поле. Джо Романо принадлежал мафии – подручный Энтони Орсатти. Перри Поуп, защищавший Трейси Уитни, состоял у них на жалованье. Как и судья Генри Лоуренс. Так что приговор Уитни имел определенный душок.

И вот теперь начальник тюрьмы Брэнниган принял решение.

- Да, у меня есть кое-кто на примете, – ответил он жене.

В тюремной кухне был альков, где стояли маленький, изъеденный муравьями столик и четыре стула – единственное место, обеспечивающее относительное уединение. Во время десятиминутного перерыва Трейси и Эрнестина сели пить там кофе.

- Хватит скрытничать, давай говори, что так гонит тебя отсюда? – начала чернокожая.

Трейси колебалась. Можно ли доверять Эрнестине? Но выбора у нее не было.

– Там остались люди, которые... устроили это все моим родным и мне. Хочу поквитаться с ними.

- Да ну? И что же они такого тебе сделали?

Слова давались с трудом. Каждое отзывалось болью.

– Убили мать.

– Они – это кто?

– Имена тебе ничего не скажут. Джо Романо, Перри Поуп, судья Генри Лоуренс, Энтони Орсатти...

Эрнестина разинула рот.

– Детка, ты даешь!..

– Ты что, знаешь их? – удивилась Трейси.

– Кто же их не знает? В этом Новогребаном Орлеане ничего не происходит без разрешения Романо или Орсатти. Не лезь к ним. Дунут – и улетишь как дым.

– Они уже выдули меня из жизни, – бесстрастно отозвалась Трейси.

Эрнестина оглянулась, желая удостовериться, что их ни кто не подслушивает.

– Ты или сумасшедшая, или дура, каких я еще не видывала. Эти люди неприкасаемые. – Она покачала головой. – Забудь о них. И как можно быстрее.

– Не могу. Мне надо выйти отсюда. Это можно сделать?

Эрнестина долго молчала и наконец произнесла:

– Поговорим во дворе.

Они стояли во дворе, в самом углу, одни.

– Из нашей тюрьмы бежало двенадцать человек, – рассказывала Эрнестина. – Двух несчастных застрелили, остальных поймали и снова посадили. – Трейси не ответила. – На вышках двадцать четыре часа в сутки дежурит охрана с пулеметами. Те еще стервецы, спуску не дадут. Если заключенная сбежит, охранника выгонят с работы. Так что им убить – раз плюнуть. Вокруг тюрьмы колючая проволока. Но даже если удастся проскочить и пулеметы, и проволоку, есть еще собаки; у них такие носы, что они идут по следу комариного бздеха. В нескольких милях отсюда база Национальной гвардии. Если случается побег, оттуда поднимают вертолеты с оружием и прожекторами. Им без разницы, как тебя приволочь: живой или дохлой. Мертвой даже лучше. Другим будет неповадно бегать.

– Но люди все-таки пытаются, – упрямо твердила Трейси.

– Тем, кто пытался, помогали с воли: друзья передавали оружие, деньги, одежду. Снаружи их ждали машины. – Эрнестина выдержала эффектную паузу и закончила: – Но их все равно поймали.

– Меня не поймают, – заявила Трейси.

К ним подошла надзирательница и сообщила:

– Уитни, тебя хочет видеть начальник Брэнниган. Марш быстрее!

– Нам нужен человек, который присматривал бы за нашей дочерью, – сказал Джордж Брэнниган. – Работа добровольная. Если не хотите, можете не соглашаться.

«Присматривать за дочерью!» – вертелось в голове у Трейси. Так будет легче сбежать. Работая в доме начальника Брэннигана, она сумеет гораздо больше разузнать о распорядке тюрьмы.

– Хорошо, – ответила Трейси. – Я согласна.

Джордж Брэнниган остался доволен. Его не покидало странное чувство, что он чем-то обязан этой женщине.

– Отлично. Оплата: шестьдесят центов в час. Деньги будут переводиться на ваш счет в конце каждого месяца.

Заключенным не полагались наличные. Заработанное накапливалось на счетах и выдавалось по истечении срока наказания.

«К концу месяца меня здесь не будет», – подумала Трейси, но вслух произнесла:

– Прекрасно.

– Можете приступить утром. Ваша надзирательница сообщит вам детали.

– Спасибо, господин начальник.

Брэнниган хотел добавить что-то еще, но не знал что. И быстро закончил разговор:

– Это все.

Когда Трейси сообщила новость Эрнестине, та задумчиво ответила:

– Значит, тебе, как заслуживающей доверие, дадут определенные привилегии. Будешь свободнее передвигаться по тюрьме. Это может облегчить побег.

– Но как мне удастся выйти отсюда? – спросила Уитни.

– Есть три возможности. Но все они рискованные. Первая – просто улизнуть. Ночью забьешь замки в камере и коридоре жевательной резинкой, выскользнешь во двор, накинешь на колючку одеяло – и вот она, воля.

Если не считать собак за спиной и вертолетов над головой. Трейси содрогнулась, ощутив, как в ее тело впиваются пули охраны.

– А другие?

– Вторая возможность – это прорыв. Когда у тебя есть оружие и ты берешь с собой заложника. Если беглеца ловят, вешают от двушки до пятака. – Заметив недоуменный взгляд Трейси, Эрнестина пояснила: – Прибавляют к сроку от двух до пяти лет.

– А третья возможность?

– Уход. Пользуясь доверием заключенным позволяют по работе выходить из тюрьмы. Ты больше не возвращаешься сюда и все.

Трейси задумалась. Без денег, без машины, без места, где спрятаться, шансов никаких.

– Мое исчезновение обнаружат на следующей же поверке и тут же пустятся в погоню.

Эрнестина вздохнула:

– Идеальных планов побега не существует, детка. Поэтому отсюда никто не смылся.

«Я смоюсь, – поклялась себе Трейси. – У меня получится».

В то утро, когда ее взяли в дом начальника тюрьмы Брэннигана, Трейси отмотала свой пятый месяц в тюрьме. Ей безумно хотелось зацепиться за эту работу, и она очень нервничала перед встречей с его женой и дочерью. Работа могла стать ключом к ее свободе.

Трейси вошла в большую опрятную кухню и села, чувствуя, как пот каплями катится у нее из-под мышек. На пороге появилась женщина в домашнем халате бледно-розовых тонов.

– Доброе утро.

– Доброе утро, – ответила Трейси.

Женщина, видимо, хотела сесть, но стояла. Сью Эллен Брэнниган оказалась приятной блондинкой лет тридцати пяти с неуверенно-растерянными манерами. Худая и суетливая, она никогда не знала, как обращаться со слугами-заключенными. Благодарить за выполненную работу или только отдавать приказания? Вести себя по-дружески или как с арестантками? Сью Эллен так и не привыкла к мысли, что живет среди наркоманок, воровок и убийц.

– Я – миссис Брэнниган, – затараторила она. – Эми почти пять лет, в этом возрасте дети очень активны. Боюсь, за ней надо постоянно приглядывать. – Жена начальника тюрьмы покосилась на левую руку Трейси и не увидела на пальце обручального кольца. «Конечно, в наши дни это ничего не значит, – подумала она. – Особенно если человек из низших классов». Помолчала и осторожно спросила: – У вас есть дети?

Трейси вспомнила нерожденного ребенка.

– Нет.

– Понятно. – Эта молодая женщина смущала Сью Эллен. Она представляла ее совсем не такой. В ней было нечто изящное. – Сейчас я приведу Эми. – Она поспешила в коридор.

Трейси огляделась. Она находилась в довольно большом коттедже, опрятном и мило обставленном. Трейси показалось, что она лет десять не была ни у кого в доме. Такие вещи принадлежали иному миру – миру свободы.

Вернулась Сью Элен, ведя за руку маленькую девочку.

– Эми, это... – Как же положено называть заключенных – по имени или по фамилии? Она решила на компромисс. – Это Трейси Уитни.

– Привет! – сказала малышка, такая же худышка, как мать, с такими же глубоко посаженными карими глазами. Ее никто не назвал бы очаровашкой, но в девочке трогало открытое дружелюбие.

«Я не поддамся ее обаянию».

– Ты будешь моей новой няней?

– Да, буду помогать твоей маме ухаживать за тобой.

– Джуди освободили условно-досрочно. Ты тоже так хочешь?

«Нет», – подумала про себя Трейси, а вслух ответила:

– Я буду здесь долго-долго, Эми.

– Это хорошо, – вставила Сью Элен и тут же, смущенно покраснев, прикусила губу. – Я хотела сказать... – Она заметалась по кухне, объясняя Трейси ее обязанности: – Вы будете есть вместе с Эми. По утрам готовить завтрак и играть с ней. Обед варит повариха. После обеда Эми надо соснуть, а потом она любит прогуляться по окрестностям фермы. Мне кажется, ребенку полезно наблюдать, как все вокруг растет. Как вы считаете?

– Да.

Ферма располагалась по другую сторону основной территории тюрьмы. Двадцать акров, засаженных овощами и фруктовыми деревьями, обрабатывали пользующиеся доверием заключенные. Для орошения использовалось большое искусственное озеро, вокруг которого был построен каменный парапет.

Следующие пять дней показались Трейси новой жизнью. При других обстоятельствах она обрадовалась бы, получив возможность покидать мрачные тюремные стены, гулять по ферме и вдыхать свежий воздух. Но теперь все ее мысли были только о побеге. Когда она не занималась с Эми, ей следовало возвращаться в тюрьму. На ночь Трейси запирали в камере, но днем она обретала иллюзию свободы. Позавтракав в тюремной столовой, Трейси отправлялась в дом начальника Брэннигана и готовила еду для его дочери. Она научилась стряпать у Чарльза, к тому же количество ингредиентов на полках давало простор воображению. Но Эми предпочитала простую пищу – овсянку или кукурузную кашу с фруктами. Потом они играли или Трейси читала девочке. Невольно она стала учить Эми тем играм, в которые играла с ней мать.

Эми любила куклы, и Трейси попыталась смастерить ей из старых носков Джорджа Брэннигана нечто наподобие знаменитого барашка из телепередачи для малышей, но получилось что-то среднее между лисицей и уткой.

– Красиво, – охотно похвалила ее девочка.

Трейси заставила куклу говорить с различными акцентами: французским, итальянским и немецким, но больше всего Эми понравился мексиканский акцент Паулиты. Заметив радость на маленькой мордашке, Трейси начала уговаривать себя: «Ничего личного. Она – просто средство, чтобы вы братья отсюда».

После дневного сна Эми они вдвоем гуляли по территории тюрьмы, и Трейси каждый раз выбирала новый маршрут: тщательно обследовала все входы и выходы, смотрела, как охраняются сторожевые вышки, подмечала, когда происходит смена караула. С каждой прогулкой Трейси становилось яснее, что ни один из планов, которые они обсуждали с Эрнестиной, ей не подходит.

– Никто не пробовал сбежать, спрятавшись в грузовике, который привозит товары в тюрьму? Я видела машину молочника и фургон с провизией...

– Забудь, – откликнулась Эрнестина. – Все машины, въезжающие в ворота и выезжающие из них, тщательно обыскивают.

Утром за завтраком Эми сказала:

– Я люблю тебя, Трейси. Ты будешь моей мамой?

Слова ребенка пронзили Трейси болью.

– Одной мамы достаточно. Две тебе не нужно.

– Нужно. У моей подруги Сэлли Энн папа снова женился. И теперь у нее две мамы.

– Ты не Сэлли Энн, – бросила Трейси. – Заканчивай завтрак.

Эми обиженно подняла на нее глаза.

– Я больше не хочу.

– Хорошо. Тогда я почитаю тебе.

Начав читать, она почувствовала у себя на руке маленькую теплую ладошку.

– Можно я сяду к тебе на колени?

– Нет. – «Пусть тебя любят твои родители, – подумала Трейси. – Ты не моя. Моего нет вообще ничего».

Дни за стенами тюрьмы переносились легче, зато ночи от этого казались еще тяжелее. Трейси с ненавистью возвращалась в камеру, где ее запирали, словно зверя. Она так и не привыкла к раздававшимся в безразличной темноте крикам из-за стен. Трейси стискивала зубы так, что у нее болела челюсть. «Еще одну ночь, – уговаривала она себя. – Я способна выдержать еще одну ночь».

Трейси мало спала, потому что мысленно все время строила планы. Первый шаг – выбраться отсюда. Шаг второй – разобраться с Джо Романо, Перри Поупом, судьей Лоуренсом и Энтони Орсатти. Третьим шагом будет Чарлз. Но эта тема была слишком болезненной, и она старалась не думать о нем. «Этим займусь, когда придет время», – твердила она себе.

Теперь ей никак не удавалось избегать Большую БERTу. Трейси не сомневалась, что гигантская шведка постоянно следит за ней. Стоило Трейси заглянуть в комнату отдыха, как там появлялась Большая БERTа. Если Трейси выходила во двор, через несколько минут шведка настигала ее и там.

Однажды она подошла к Трейси и сказала:

– Ты хорошо сегодня выглядишь. Не могу дождаться, когда мы будем вместе.

– Отвяжись! – огрызнулась Трейси.

– А что ты мне сделаешь? – усмехнулась амазонка. – Твоя черная защитница собралась на выход. Я договариваюсь, чтобы тебя перевели в мою камеру.

Потрясенная Трейси посмотрела на нее.

– Да-да, дружок, не сомневайся. Мне это по силам.

Теперь Трейси знала, что время на исходе. Надо бежать до того, как Эрнестина уйдет из тюрьмы.

Больше всего Эми любила гулять по сверкающему всеми оттенками радуги, разукрашенному полевыми цветами лугу. Рядом находилось окруженное невысоким каменным парапетом искусственное озеро; длинный уклон вел на большую глубину.

– Пойдем купаться! – попросила Эми. – Ну пожалуйста.

– Озеро не для купания, – объяснила девочке Трейси. – Из него поливают растения. – При виде неприветливой холодной воды пробрал озноб.

Отец внес ее в океан на плечах и, когда она закричала, оборвал: «Не будь маленькой, Трейси!» Затем окунул, и, когда вода сошлась у нее над головой, Трейси запаниковала и начала задыхаться...

* * *

Трейси ждала эту новость, но она все равно ее потрясла.

– Выхожу через неделю после следующей субботы, – объявила Эрнестина.

От ее слов у Трейси пошел мороз по коже. Она не рассказала о своей стычке с Большой Бертой. Теперь Эрнестина ничем ей не могла помочь. Не исключено, что шведка обладала достаточным влиянием, чтобы организовать перевод Трейси в свою камеру. Единственный шанс противостоять ее планам – переговорить с начальником тюрьмы. Но в таком случае она точно станет покойницей. Все заключенные, как одна, ополчатся на нее. Здесь надо чертовски драться или пробить головой стену. Трейси предпочитала пробить стену.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.